

Павел Иевлев

Хранители 2

Мультиверсума

Книга вторая

Часы судного дня

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Сергеевич Иевлев

Часы судного дня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69366841

SelfPub; 2023

Аннотация

«Часы Судного дня» – вторая книга серии «Хранители Мультиверсума». Она продолжает историю героев, жизнь которых так драматически перевернулась в первой книге. Людей, которые обрели новый мир, но получили к нему в довесок и новые неприятности. И чем меньше им хочется вступать в происходящие вокруг глобальные события, тем хуже это получается. Плохо жить в интересное время в интересном месте!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	33
Глава 3	47
Глава 4	61
Глава 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Павел Иевлев

Часы судного дня

Глава 1

«...Подземные укрытия в Москве, предназначенные для эвакуации в случае ЧС, полностью подготовлены и смогут вместить всё население столицы, сообщили в Министерстве по чрезвычайным ситуациям...»

Свежеобретённая недвижимость представляла собой весьма оригинальное архитектурное сооружение. С основного ракурса невысокая, но толстая башня с массивным купольным набалдашником и двумя боковыми пристройками до смешного напоминала стоящий торчком короткий каменный хуй.

– Задорная какая... – сказал я сам себе вслух.

От сарайчика до здания прослеживалась дорожка из каменных плит с проросшей травой, и я отправился на обзорную экскурсию по моим владениям. Вблизи здание оказалось больше, чем я думал – пристройки вытянулись к морю двумя крыльями, образуя в плане подкову, в центре которой и торчала фаллическая башня. На вид я бы оценил её высоту в пятиэтажный дом, но узкие окна были одним рядом в верхней трети. Пристройки пониже – с двухэтажку. Тёмные ка-

менные стены из массивных блоков, подогнанных так плотно, что нож в щель не вставить, двускатные крыши, покрытые плоской черепицей, окна в самом верху – увы, без стёкол. Надо думать, внутри меня вряд ли ждут пригодные для жизни интерьеры. Уж больно заброшенный и нежилой вид имеет это строение. Меня стало понемногу накрывать осознание, что я только что обрёл на свою задницу чудовищный геморрой. Опасайтесь сбычи мечт, как говорится.

Крылья «подковы» образовали небольшой внутренний дворик, открытый к морю. Он зарос травой в рост человека и зримо демонстрировал торжество природы над архитектурными амбициями и прочую тщету бытия. Впрочем, каменная лестница к берегу выглядит вполне целой, а наличие небольшого уютного пляжика примиряет с грядущими трудностями обживания этих руин.

Хотя нет, не руин. Наоборот, от стен веет какой-то незыблемостью и неизменностью в веках. По их состоянию невозможно сказать, построены они десять, сто или тысячу лет назад. За шероховатую поверхность массивных блоков дикого камня зацепились выюнок и мох, но они только придают монументальной конструкции флёр винтажного романтизма. А вот наличия ватерклозета подобная архитектура отнюдь не обещает...

В глубине дворика, в основании центральной башни, виднелся вход – единственный способ попасть внутрь без использования осадных лестниц. Внутренние, выходящие во

двор, окна расположены ничуть не ниже наружных. Зате́йники они тут, как погляжу. Хотя правильное, наверное, в прошедшем времени говорить. Были затейники. Были-были – да все вышли. Интересно, куда. Нет, не то чтобы интересно, но, наверное, полезно это знать. Для общей, так сказать, эрудиции и для понимания границ собственной безопасности. Потому что тут не только окна в трёх метрах над землёй, но и дверь какая-то мамонтоустойчивая. Относительно массивного здания она смотрелась небольшой, но, подойдя поближе, я понял, что это только так казалось. Высота закруглённого проёма была под два с половиной метра, ширина не меньше двух – неслабые такие ворота. Набраны из деревянных плах, не тронутых временем. Тёмное, массивное, прочное дерево. Каждая плаха длиной во всю высоту двери и на вид довольно толстая – насколько можно судить по наружной поверхности. Ну, то есть, если вы делаете ворота из таких деревьев, вы же вряд ли будете делать их толщиной с фанерку? Они под собственным весом поведутся тогда. А тут всё намекало на такую, знаете ли, параноидальную основательность. Доски крепились к каким-то внутренним конструкциям за счёт утопленных глубоко в древесину широких железных головок – не то болтов, не то заклёпок, не то супергвоздей, калибром с железнодорожный костыль. Снаружи створки не имели никаких видимых устройств открывания – ни замочной скважины, ни ручек, ни даже верёвочки, чтобы за неё подёргать, вызывая дворецкого. Вероятно, гостям тут не

были особенно рады. Хочешь – головой бейся, хочешь – так стой. Пока сверху горячей смолой, к примеру, не обольют. Там как раз такой карнизик интересный над дверным проёмом...

Ворота прилегали к проёму с удивительной плотностью. Ну, то есть, удивительной для такого средневекового стиля. Ни малейших щелей – что между досками, что между створками, что между воротами и каменным проёмом. Во времена рыцарских замков, знаете ли, так не строили. Очень может быть, что всё это просто стилизация такая, исполненная современными средствами. Я ж, получается, про здешний мир вообще ничего не знаю. Может, тут конные рыцари свиньёй ходили, а может, боевые роботы сотрясали берег чугунной поступью. Вообще-то, для рыцарских времён окна широковаты. Если вы ожидаете штурмовых лестниц и смолу регулярно кипятите, то окна должны быть такими, чтобы даже самый худой ландскнехт с алебардой туда пьяную харю свою не просунул. А здесь вполне широкие стрельчатые проёмы. Их в замках уже попозже стали делать, когда изобретение артиллерии сделало оборонительные сооружения бессмысленными.

Как я ни бился, ни потянуть ворота на себя, ни толкнуть от себя не вышло. Стояли, как вмурованные. Тянуть на себя было особо не за что, вставленное между створками лезвие карманного ножичка не создало достаточного рычага, а от себя я как ни толкался – только плечо отшиб. Вообще ника-

кого люфта, насмерть стоит. Ну да и глупо было бы делать такие ворота открывающимися вовнутрь. Наоборот, они должны в проём там упираться, чтобы любой таран обломался. Такое только взрывать...

В общем, и внутрь я не попал, и для себя не определился – это бывший отель «под старину», для романтического туриста, или вправду что-то глубоко историческое. Побившись безуспешно в двери, обошёл здание, завершив круг, и убедился, что вход действительно один. Нет, это вряд ли отель. Не бывает отелей с одной дверью – не должны гости с прислугой в ней толкаться.

Поворачивая за угол, нос к носу столкнулся с Криспи – от неожиданности чуть удар не хватил. Увлёкшись прикладной археологией, я уже и забыл про свой «зоопарк». Девушка кинулась ко мне и неожиданно, упав на колени, обхватила мои ноги, прижавшись лицом... в общем, неловкая вышла сцена, хорошо, что жена меня сейчас не видит.

Осторожно освободив ноги от энергичных объятий, присел рядом, чтобы быть на одном уровне. Приобнял за плечи, откинул с лица спутанные волосы и увидел, что она плачет – беззвучно, но ручьём.

– Ну, Криспи, это что за нафиг? – растерянно спросил я.

Услышав своё имя, она вдруг разрыдалась в голос. Это была настоящая истерика – она кричала, слёзы текли по покрасневшему лицу, она то хватала меня за руки, прижима-

ясь лицом к плечу, то отталкивала и была маленьким кулачком в грудь. Вскоре я был мокрый от слёз и окончательно потерявшийся. Она вела себя одновременно как оскорблённая женщина и как обиженный маленький ребёнок, а я бессилен перед обоими этими явлениями. Женские и детские слёзы – не конвенциональное оружие против меня. Это нечестно и должно быть запрещено как негуманное обращение с пленными.

– Криспи, Криспи, ну перестань... Ну что ты так, зачем... – я обнял её, с силой прижал к себе, спрятав голову на груди, закрыв руками от жестокого мира и тихонечко покачиваясь, как будто убаюкивая младенца.

– Всё будет хорошо, всё уже закончилось, я с тобой, всё теперь будет просто замечательно... – я говорил с ней бессмысленно, не подбирая слов, на одной интонации, как говорю в таких случаях с дочкой, безнадёжно расстроенной какой-нибудь непереносимой трагедией типа недостаточно розового платья. Поскольку у меня дома бегают пятилетнее белокурое счастье, я имею некоторый опыт успокаивания плачущих девочек. Им не важно, что ты говоришь, важно как. И тактильный контакт. И прижаться к большому и тёплому. И выплакать в него всё несовершенство этого неудачного мира.

Через некоторое время Криспи уgomонилась, перейдя с рыданий на всхлипывания, а с всхлипывания на расстроенное сопение. А я страдал от затёкших в неудобной позе ног, но боялся её побеспокоить, чтобы не спровоцировать реци-

див. Тут важно дожидаться, пока она сама тебя оттолкнёт, переключившись с самих страданий на обвинение тебя в них и требование немедленной компенсации. В этот момент важно иметь под рукой что-нибудь розовое, или пушистое, или сладкое. Сахарная вата подходит идеально.

Но чёрт же подери! Я, если честно, вообще про Криспи не вспоминал до тех пор, пока Андрей не выпихнул мне на руки всю эту компанию великовозрастных младенцев. А уж представить себе, что все эти годы она меня не только помнила, но и переживала как-то по этому поводу – это и в страшном сне не приснится. Я её видел-то в общей сложности полтора раза! Однако сейчас она вела себя как брошенный ребёнок, который вдруг обрёл потерянных родителей и одновременно счастлив, что нашёл, зол, что был брошен, обижен, что пришлось так долго ждать, и слишком эмоционально нестабилен, чтобы со всем этим справиться.

В общем, я себе всё хорошо объяснил, кроме того, что теперь со всем этим делать. Как-то так вышло, что жена моя не в курсе истории, результатом которой стало, в том числе, и наше с ней знакомство с далеко идущими последствиями. Сначала не хотел её втягивать, а потом всё как-то разом закончилось и говорить стало не о чем. Рассказывать постфактум о такой странной и маловероятной истории и во все было как-то неловко. Не стоит ставить близкого человека в двусмысленную ситуацию, когда и не поверить нельзя, и поверить не получается. Она, конечно, сделает над собой

усилие и как бы поверит, но осадочек всё равно останется. Я и сам уже вспоминал эту историю со странным чувством – неужели это правда было со мной? Может, прочитал где, или приснилось? Не бывает же такого, сами понимаете. А небывальщина быстро вытесняется бытом в область смутных воспоминаний между сном и явью.

Так что я решил, что когда (и если) Андрей выполнит заявку на «домик у моря», то сразу всё расскажу и покажу. Чтобы не выглядеть придурком, невесть зачем рассказывающим сказки. Это вредно для семейной кармы. Ну вот, он выполнил, и что? Как объяснить, что у нас теперь не одна дочка-одуванчик, а плюс к ней четыре безмозглых дитя, у троих из которых неплохие сиськи? Это, знаете ли, не всякая жена легко примет. Жёны привыкли быть основным источником детей в семье и не готовы отказаться от этой естественной привилегии.

Криспи между тем успокоилась, перестала сопеть и всхлипывать и оттолкнула меня так, что я со стоном опрокинулся на спину. Ненавижу сидеть на корточках и удивляюсь с людьми, для которых эта поза комфортна и естественна. У меня ноги затекают наглухо. Ага, следующая стадия пошла, компенсации. Чем же я должен буду загладить свою безусловную вину в том, что малютка Криспи так страдала эти годы? Ну да, заплаканная девушка встала надо мной зримым воплощением укоризны. Она симпатичная, кстати. Тёмные длинные волосы, карие большие глаза, правильные черты лица,

фигуру даже комбинезон унылый не портит. Ей бы ухоженности добавить и одеть нормально – вполне ничего была бы девица. Кстати, интересно – сколько ей лет? На вид – примерно двадцать, но при нашей прошлой злосчастной встрече она выглядела точно так же. Вот ничуть не изменилась. И, кажется, не поумнела тоже. Неужели она теперь навсегда такая? Или прогресс возможен?

Криспи наклонилась и решительно потянула меня за рукав. Вставай, мол, пошли. Интересно, что же ей нужно-то? Она уверенно потащила меня за собой к машине, где потерянно слонялись остальные мои подкидыши. Раньше я их видел пару раз мельком, а теперь, значит, придётся знакомиться.

Итак – номер один. Блондинка-с-сиськами. Наименование условное, выдано временно по довлеющим визуальным приметам, – ого-го каким, кстати. Смотрит на меня пустыми серыми глазами на идеальном кукольном лице. Красивая? Да, пожалуй, если вы любите типаж «декоративных женщин». Он хорошо смотрится в пошлых интерьерах под рококо. А так-то мне кажется, что она и до выгорания небольшого ума была. С возрастом – не поймёшь. Просто молодая девушка, я б ей дал двадцать лет, если бы не тот факт, что пять лет назад она никак не выглядела на пятнадцать. Волосы такие же длинные, спутанные и немытые, как у Криспи, но светлые. У моей дочки такие, только выющиеся. Машинально откинул ей пряди с лица, чтобы рассмотреть повни-

мательнее, но был неверно понят. Блондинка с тем же безмятежным выражением на кукольном своём личике расстегнула комбинезон: он, оказывается, разъёмный – от горла до паха на какой-то застёжке. Одежда свалилась вниз, стреножив её как пасущуюся лошадь, но это её ничуть не смутило, как и полное отсутствие какого-либо белья. Она привычно повернулась задом и наклонилась, оперевшись руками об УАЗик. Приняла, так сказать, позу коитальной готовности. Зрелище было такое... вдохновляющее, знаете ли. Фигура идеальная, песочными часами – большая грудь, большая попа, но тонкая талия и стройные ноги. И никакой растительности, кстати, нигде. Ни следа – ни в подмышках, ни на ногах, ни в паху. Да, я женатый человек, но что же мне, зажмуриться теперь, что ли?

Да, не того она набралась в их компании. А ежели она вот так при жене моей сделает? Объясняйся потом, что не ты научил... Положа руку... нет, не на сердце, признаюсь честно – организм дрогнул. Я ж живой человек, хоть и женатый. Но трахнуть её было бы неправильно со всех этических и человеческих точек зрения. Свинством это было бы, как по отношению к жене, так и по отношению к ней. Даже если ей пофиг, а жена никогда не узнает. К тому же делать это на глазах у Криспи тоже было бы дурно. Как при детях.

Так что хлопнул только эту заразу по роскошному крупу и сказал:

– Нефиг рассупониваться. Здесь вам не там. Одевайся, не

доводи до греха.

Блондинка, не меняя позы, повернула голову и уставилась на меня через плечо непонимающе-коровьим взглядом. Выглядело это настолько смешно и нелепо, что меня отпустило. Нет, правда, зоофилия какая-то. У неё ж ума, как у овцы.

– Криспи, ну что с ней делать, а? – спросил я без надежды на ответ, однако она неожиданно спокойно подошла к блондинке, присела, подняла комбинезон, надела его, как-то ловко заставив её принять нормальную позу, застегнула.

Ах, ты, понятливая какая, умилился я внутренне. Блондинка осталась стоять, лупая глазами, а Криспи подошла и потёрлась о моё плечо головой. Одобрила, что ли? Главное, чтобы сама не претендовала. А ну, как начнёт к жене ревновать? Ох, как же сложно всё теперь будет...

Криспи снова потянула меня за рукав, и я, наконец, понял, чего она добивается – тащила к ящикам, которые мне Карлос выгрузил. Кормить, видать, пора моих домашних питомцев. Вот ещё, кстати, засада. Мозгов у них на всех меньше, чем у одного кота, но жрут-то они как четыре взрослых человека, природу не обманешь. Ладно, пока корм есть – хотя это ещё разобраться надо, что за корм и какой у него расход. А когда кончится? Кормить семь человек – это не совсем то же самое, что трёх. Это чисто финансово даже напрягает.

Внутри самых обычных картонных коробок плотными рядами лежали серые мягкие цилиндры без каких-либо надписей. Все одинаковые, каждый размером с два кулака пример-

но. Я вытащил один и покрутил в руках – похоже на толстый полиэтилен, внутри что-то пластичное. Мне это напомнило упаковки строительного герметика, только какие-то бесшовные, непонятно, как открывать. Криспи взяла цилиндр из моих рук, как-то ловко провела по нему ногтем, и он раскрылся вдоль, распавшись по продольной оси на две половинки. Внутри оказался полупрозрачный серо-зелёный гель не самого, надо сказать, аппетитного вида. Что ж у них всегда серое всё, а? Я взял упаковку у Криспи, понюхал... Какой-то слабый, сладковатый, слегка химический запах. Не противный, никакой. Немного похоже на самые дешёвые сорта фруктовых желе, которые, неведь с чего, обожает дочка – из тех, где только желатин, сахар и ароматизатор, идентичный аутентичному.

Попробовал – тоже никак. Некий вкус есть, но довольно слабый, скорее, приятный, чем нет. Но, в целом, почти безвкусный, как обезжиренный йогурт без сахара. С голодухи сожрать можно, но для удовольствия есть не станешь. Криспи почему-то отреагировала нервно – выдернула пакет у меня из рук, замотала головой. Не есть? Почему?

Она отдала корм блондинке и достала следующий. Ловко вскрыла и протянула третьей девице. Та апатично сидела в траве, прислонившись к колесу УАЗика. Взяла, зачерпнула пальцами, отправила в рот... Ну да, не Версаль.

Эту девицу до сих пор даже не рассмотрел толком. Она всё время сидела как-то сжавшись, завесившись длинны-

ми неряшливыми патлами так, что ни лица, ни фигуры не разглядеть. Ела торопливо, быстро, как зверёк, облизывала пальцы... Впрочем, вся эта троица (Криспи я уже как-то незаметно для себя из компании вычел) не отличалась изящными манерами. Блондинка-с-сиськами просто откусывала желе от куска, перемазавшись от уха до уха – вид имела дурной и комический. А назову-ка я её Бритни. В честь другой такой же тупой жопастой блондинки с сиськами, любящей сверкать мандой на публике. Надо же её как-то называть? Тем более она такая... безволосая везде. Бритни, короче. А то «Блондинка-с-сиськами» выговаривать долго.

Единственный доставшийся мне в этой благотворительной лотерее образец мужского пола тоже не впечатлял. Худой унылый юноша дрищеватого вида медленно жевал серый корм, аккуратно, но как-то заторможенно. Такой же лохматый и неухоженный, как все, он ещё сутулился и вообще производил впечатление бледной немочи. Да, мои смутные надежды использовать его как тупую, но все же рабочую, силу были, кажется, тщетны. Не похоже, чтобы он что-то тяжелее члена в руках удержал.

Все мои приبلудившиеся лишенцы выглядели одинаково – на двадцать плюс, но при этом ровно так же, как годы назад, когда я их видел в срезе йири. Отсутствие мозговой деятельности так хорошо сохраняет молодость? Лоб не морщим, лицо не стареет? Чёрт его знает, но странно это как-то. Кажется, у меня накопилось много вопросов к Андрею,

а ведь день ещё не закончился.

Между тем, все поели, бросив упаковки там, где стояли. Блондинка была перемазана, как младенец кашей, и я достал из машины влажные салфетки. Сначала хотел сам обтереть, но потом передумал – а ну как примет за предварительные ласки, опять заголится и раком встанет? Дал салфетки Криспи, показал, как достать, кивнул на свежепоименованную Бритни. Специально не стал ничего говорить или показывать жестами. Решил проверить когнитивные способности – насколько она вообще вменяема? Порадовала: подошла, аккуратно вытерла лицо – блондинка стояла тупо, как корова на дойке, – взяла её за руки, вытерла пальцы. Достала следующую салфетку, присела у третьей девицы – она пока недостаточно проявила себя, чтобы её как-то назвать, побудет «Третьей», – откинула волосы, но та встряхнула головой и снова завесилась лохмами. Криспи терпеливо погладила её по голове, и как-то всё же вытерла рот и руки, хотя та вяло отмахивалась. Парень перепачкался сильнее всех, но вытирать себя Криспи не мешал. Может быть, не безнадёжен. А вот что салфетки все побросали там же, где упаковки от еды – себе под ноги, – это чистое безобразие. Этак тут моментально помойка образуется. Поискал в машине, нашёл пустой пакет. Показал Криспи пакет, показал мусор, покачал головой, изобразил неудовольствие.

Умница какая, собрала всё в пакет, пакет протянула мне. – Хорошая девочка! – сказал я ей. – Криспи молодец!

Девушка шагнула ко мне и снова потёрлась головой о плечо. Как кошка, только что не мурлыкнула. Ну, уже легче, какое-то взаимопонимание налаживается. Я боялся, что они тут все дуб-дерево, и их придётся с ложечки кормить. Кстати, а сама-то Криспи ничего не ела! Почему?

– Криспи, чего не ешь? – я показал на коробку с кормом, постаравшись подчеркнуть мимикой вопросительную интонацию. Девушка возмущенно замотала головой, замахала руками, как будто отталкивая от себя эту идею, а потом вдруг задрожала личиком, надула губки и зарыдала так горько-горько, как моя дочка, узнавшая, что мороженого и каруселей на сегодня хватит. Сердце моё, разумеется, моментально разорвалось в клочья от жалости. Много ли ему надо, сердцу-то? Пара девочкиных слёзок – и готово, полетели клочки по закоулочкам.

Притянул к себе, обнял, по голове погладил, сказал успокаивающе:

– Ну всё, всё, хватит, не плачь. Ты не такая, ты ждёшь трамвая. Не знаю почему, но этого ты не ешь. Ах ты, бедненькая, глупенькая... – я отключил своё автоматическое бормотало от мозга, гладил её по грязноватым волосам, а сам думал, что никак не могу понять, какой психический возраст ей назначить. То она кажется ровесницей дочки, то подростком, а то вдруг проглянет такое, женское... Впрочем, это гендерное.

– Ладно, – сказал я, когда Криспи успокоилась. – Так и

быть, назначаю тебя... Нет, не любимой женой, губы не раскатывай, место занято. Назначаю тебя старшей по палате с обязанностями сержанта. Этих беречь, кормить, пасти, выгуливать, вычёсывать, побуждать к разуму и гигиене. Понятно?

Криспи неуверенно кивнула. Чёрт его знает, что там она себе поняла. Пора переходить к практической части. Мне определённо надо вернуться в город – хотя бы для того, чтобы привести сюда жратвы и предметов быта. Но и этих одних не бросишь посреди ничего. Тут хоть и потеплее чем у нас, но тоже ещё не лето. Рупь за сто – к вечеру похолодает, потянет ветер с моря, и как бы не помёрзло моё маленькое стадо пустоголовиков. Мне их ещё от пневмонии какой-нибудь лечить не хватало для полного счастья. При этом тащить с собой тоже не вариант – куда я их там дену? В хрущёвку нашу двухкомнатную притащу? «Здравствуй, дорогая, знакомься, эти тётки будут теперь жить с нами!» И тут такая Криспи кидается меня где попало обнимать, а Бритни заголяется и встаёт раком... нет, я всё же хотел бы как-то мягче подвести жену к мысли, что всё в нашей жизни вдруг стало очень-очень сложно.

Надо как-то пристраивать эту компанию тут. И у меня на этот счёт была пока смутная, но идея. Я обратил внимание, что в доставшейся мне помпезной недвижимости стёкла в окнах отсутствовали везде, кроме центральной башни. А значит, оставалась надежда, что там есть некое помещение,

которое можно будет сделать хотя бы условно жилым. Но для этого туда надо было попасть, что до сих пор исключалось весьма крепкими, единственными и наглухо запертыми дверями. Следовательно, в здание надо было проникнуть как-то иначе.

Я развёл бурную деятельность – откинул задний борт УАЗа, закинул туда первый ящик с кормом. После чего показал на остальные единственному представителю условно мужского пола в подведомственном мне подразделении.

– Так, ты, дрищ, чего смотришь? Хватай-таскай-клади, они не тяжёлые, – Дрищ (чем не имя?) пялился на меня, как баран.

– Давай, давай, не тупи, – повторил я настойчиво.

Если какое-то вспомогательное взаимодействие не устроить, я тут с ними сдохну. Не хватит у меня рук четверых обслуживать.

Подбежала Криспи, пихнула паренька в плечо. Тот, к моему удивлению, несколько заторможенно, но взялся за следующую коробку. Засунул, правда, криво, без ума, абы как. Но я поправил, пальцем погрозил, и следующая встала уже ровнее. Не идеально, да чёрт с ним, места много.

– Так, барышни, – обратился к остальным, – по машинам. Давайте, лезьте в УАЗик, чёрт вас дери.

«Третья», чуть потормозив, залезла сама, «Бритни» пришлось поднимать и запихивать, Дрищ вскарабкался на заднее сиденье успешно, а Криспи села на переднее правое даже

гордо, с видом вполне командирским.

– Экипаж к старту готов? – спросил я, заводя мотор. Ответа не последовало, да я и не ждал. – Поехали!

Проехали всего-то метров сто, до здания. Я аккуратно подогнал машину носом под ближайшее к башне пустое окно так, что кенгурятник упёрся в стену. Заглушил, вылез. Криспи было дёрнулась за мной – но я строго сказал:

– Всем сидеть! Без команды не вылезать!

Криспи занервничала и что-то вроде даже пискнула – я до сих пор не понял, разговаривает ли она вообще. Однако осталась сидеть, хотя и ёрзала. Остальным, кажется, всё было пофиг. Где прислонишь, там и останутся.

Я залез на капот, чуть подпрыгнул и зацепился пальцами за гладкий камень оконного проёма. Проклиная сидячую работу и её неизбежные последствия, с трудом подтянулся и залез, утвердившись задницей на подоконнике. Нет, что ни говори, а в механиках-то я порезвее был.

Ну, чем нас порадует обрётённая недвижимость?

Недвижимость радовала чертовски толстой стеной из натурального камня – в оконном проёме можно было лежать если не вдоль, так поперёк. Метра два толщиной стена, не всякая крепость такую имеет. Если это сплошная кладка – а по виду похоже, что так, – её из пушки не развалишь. Да, аборигены не мелочились, надо сказать. Клади на века, как пирамиды. Что же тут было? Местный Форт-Нокс? При этом оконный проём был пуст и идеально гладок, как полирован-

ный. Посередине него была прорезана прямоугольная в профиле канавка, шириной в ладонь – вероятно, здесь когда-то была рама, но куда-то делась. Однако, такое профрезеровать в цельном камне!.. А ведь это не известняк или песчаник, это, чёрт побери, какой-то гранит или базальт – твёрдый, в общем, материал. Какое-то было в этом непонятное противоречие – когда технологии позволяют вот с такой точностью резать камень, то из камня к тому времени обычно уже не строят, полно становится других, гораздо более технологичных материалов. Хотя зря я, наверное, вот так в лоб аналогии беру, мало ли почему они тут так поступали. Наверное, был какой-то резон. Внизу опять тревожно пискнула Криспи, и я отвлёкся от изучения оконного проёма.

Расстояние до скрывавшегося в темноте пола под окном было даже больше, чем снаружи. Дело шло к вечеру, небо затянуло, свет из слишком высоко расположенных окон был тусклый и нижняя часть зала скрывалась в тени. У меня с собой, как назло, был только крошечный фонарик-брелок на ключах, который ничем не улучшал ситуацию. Вниз придётся прыгать, причём практически наугад. Подумалось, что самым нелепым исходом будет, если я туда-то спрыгну, а потом и обратно залезть не смогу, и другого выхода не найду. И что тогда?

Нет, не может быть такого. Как-то туда всё же попадали аборигены, и наверняка не в окно лазили. Должен быть выход. Но и кидаться наобум в темноту тоже не хотелось. Так

что полез я не вовнутрь, а обратно, наружу. Неизящно сполз на пузе, повис на руках и прыгнул на капот, почти даже его не помяв. Ну, не сильнее, чем обычно. Хорошо, что УАЗик стоял в гараже если и не в полном походном комплекте, то и не совсем голый. Чтобы перекрыть по ширине оконный проём мне пришлось скрепить вместе хайджек и фискарсовскую лопату. К образовавшейся таким образом сложносоставной палке я зацепил посередине карабином четырёхметровую буксирную стропу и метнул второй её конец с массивным шаклом в окно. Трос ушуршал туда, повиснув, а я влез обратно. Втащил за трос свою раскоряку, расклинил её в оконном проёме, стравил внутрь трос... Всё, теперь мне не нужно прыгать, и есть шанс вылезти обратно. Ну, или получить по голове тяжеленным хайджемом, если я его плохо закрепил. Подёргал трос – вроде крепко. Решив, что тянуть больше нечего, и так стемнеет скоро, повис на тресе и потихоньку спустился. Вниз-то оно не вверх. Залезу ли назад, если что – вопрос. Много лет таким не занимался, форму растерял. Однако ежели припрёт – влезу, поди, куда денусь.

Внизу оказался довольно гладкий песчаный пол и не так темно, как казалось сверху. Ну, то есть, вряд ли это именно пол – просто песок. Полom его делало расположение внутри стен, не более. Все внутренне помещение первого этажа представляло собой огромный... ну, видимо, зал. Сплошное пустое помещение без перегородок и деления на объёмы. Возможно, они были раньше, но уцелели только капиталь-

ные несущие стены, а внутренние перегородки, например, истлели и рассыпались в прах... Как и пол, кстати. Пока я шёл вдоль стены, то на высоте метра полтора от песка обнаружил характерные прямоугольные выемки – явно под лаги пола. Толщина предполагаемых лаг впечатляла – не иначе, целые деревья на них шли. Да, любили тут капитально строить... И куда же такие брёвна делись? Да так, что ни щепочки от них не осталось внутри? Ещё одна загадка в ряду прочих.

Дойдя до основания центральной башни – она так и выпирала в помещение полукругом массивного цоколя из титанических каменных блоков, – нашёл то, что мне, собственно, и было нужно. Дверь. Если в башню не удалось попасть снаружи, то надо было попытаться изнутри. Дверь была массивная, деревянная, но всё же не настолько монструозная, как наружная. Просто деревянная дверь. Она даже выглядела как-то посвежее всего окружающего архитектурного гигантизма и выделялась иной техникой исполнения. Никаких мегагвоздей и прочих излишеств в противотаранном стиле, просто наборная конструкция из тщательно подогнанных досок. В общем, внушала надежды на меньшую взломоустойчивость.

Из-за отсутствия пола дверной проём начинался на уровне моей груди, но эта дверь прилегала к проёму не так идеально, как наружная, и я почти без труда вставил в щель плоский конец монтировки, приналёг... Дверь была заперта, но мне очень хотелось вовнутрь. В конце концов упорство

победило – внутри что-то хрустнуло, упало, и путь был открыт.

Когда я залез, то понял, что мне удивительно повезло – на обратной стороне двери были массивные крюки, и рядом стоял здоровенный деревянный брус, толщиной с мою ногу. Он явно должен был запирать дверь изнутри, входя в выемки каменной стены, грамотно сделанные на клин – чтобы вес засова прижимал дверь к проёму. Если бы он стоял на месте, я мог бы ковыряться монтировкой до морковкина загонья – толщина досок была сантиметров пять. На моё дурное счастье дверь удерживала только крохотная щеколдочка, от сквозняка, не более. Теперь она валялась на полу, который, кстати, был каменный, а не деревянный по лагам, как я ожидал увидеть. Но самое главное – в башне явно кто-то ещё совсем недавно жил.

Помещение метров пятнадцати в диаметре имело форму круга со срезанным краем, точно посередине которого проходила толстая вертикальная колонна от каменного пола до каменного же потолка. В нём было три двери по одной стороне. В крайнюю левую – если смотреть из башни, – вошёл я. Крайняя правая, скорее всего, открывалась во второе крыло здания, а средняя, располагавшаяся в центре плоской стены, вела, надо полагать, к тем самым воротам во двор, в которые я безуспешно ломился сначала. Но это были не сами ворота, а именно дверь – куда меньшая по размерам, так что между ней и воротами предположительно было ещё какое-то

небольшое помещение. Напротив этой двери был большой открытый камин, по обеим сторонам от него – два высоко расположенных стрельчатых окна, сквозь которые помещение заливали косые лучи заходящего солнца, ещё таких же два окна по бокам цилиндрического тела башни и одно окошко напротив камина, на плоской стене над дверью – непохожее на остальные, маленькое, в глубокой стенной нише.

В камине лежали запылившиеся, но целые дрова, рядом была сложена небольшая поленница, посередине стоял круглый деревянный стол из толстого массива дерева, вокруг него такие же основательные мощные стулья, числом четыре, а у боковой стены – небольшой диванчик, сделанный, к моему немалому удивлению, из заднего автомобильного сиденья. У меня глаз намётанный, я автомобильные детали сердцем чую! Хорошая такая большая сидуха, по длине, я б сказал, не легковая, скорее, из микроавтобуса – под два метра, я на ней спокойно вдоль улягусь. Обтянута каким-то простым дерматином и аккуратно смонтирована на деревянном основании с резными подлокотниками. Рядом с камином стояло по такой же технологии выполненное кресло, только из одинарного сиденья, возможно, переднего пассажирского. Почему пассажирского? Ну так, на интуиции – водительское, по-любому, последним бы сняли.

Всё это было покрыто слоем пыли и имело вид заброшенный, но совершенно очевидно, что это не тысячу лет назад

произошло и не сто. Несколько лет, не больше. Вон, даже кружка на столе стоит чья-то. Кружка была пустая, но удивительно тонкой работы и, кажется, из того же камня, что и стены. Комплектная, так сказать. Помою и оставлю себе. Сувенир.

Ладно, вся археология потом, у меня там в машине лишены кукуют, как бы не отчебучили чего. Народец-то ненадёжный... Центральная дверь тоже оказалась на засове, от неё вниз в узкое полукруглое помещение сбегала расширяющаяся книзу лестница. Предсказуемо каменная, она упиралась в ворота. Вот тут был засов так засов! Всем засовам засов! Огромный брус из какого-то твёрдого тяжёлого дерева, толстые железные крючья, завязанные на кованые полосы внутреннего каркаса двери, а выемки со скосами вовнутрь в глубоком дверном проёме ещё и создавали преднатяг. В результате за тот неизвестный срок времени, в течение которого ворота не открывались, брус под собственным весом расклинило намертво. У меня и без того его поднять пупок бы развязался, а тут и вовсе безнадёга – я его даже с пинка пошевелить не смог, только ногу ушиб. Да, если сюда кто-то когда-то с тараном и приходил, то защитникам было бы достаточно сбросить ему фотку внутренней части двери, чтобы он заплакал, бросил таран и ушёл восвояси.

Но я ж не кто-то, мне надо. Поэтому я вернулся к окну, через которое залазил, и несколькими рывками троса освободил конструкцию из лопаты и хайджека в оконном про-

ёме, а потом втянул её внутрь, ловко отпрыгнув, когда она навернулась сверху на песок. Теперь отступить было некуда, обратно в окно не залезу. Лопата мне была ни к чему, а вот на домкрат у меня были большие надежды, которые полностью оправдались – высокий хайджек без проблем зацепил брус за нижнюю кромку и выдавил из зацепления с крючьями. Оставалось только не уронить себе на ногу. Я с трудом отволол его в сторону и налёг на ворота. Снаружи успел нарасти небольшой слой почвы, но, используя лопату как рычаг, я сумел приоткрыть одну створку достаточно, чтобы пролезть наружу. Всё, путь открыт – если я пролез, то остальные тоже просочатся. Ну, разве что у Бритни могут возникнуть небольшие трудности, но ничего, пропихнём как-нибудь. Я резво пошагал в обход крыла здания, возвращаясь к машине – уже конкретно темнело и становилось прохладно.

Успел вовремя – Криспи уже топталась на капоте и явно примеривалась залезть в окно. Вот неугомонная девица! Навернулась бы туда вовнутрь, поломала бы себе чего-нибудь, то-то было бы счастье. Увидев меня спрыгнула, понеслась навстречу, снова грохнулась на колени и обхватила за ноги. Очень трогательно, но вот лишнее это. Как-то чрезмерно интимно выходит. Поднял её за плечи, встряхнул, сказал строго:

– Я кому велел в машине сидеть?

Ну конечно, тут же губки надулись, глазки промокли...

Ну нет, не ко времени мне тебя утешать тут.

– А ну, в машину бегом! Сейчас солнце сядет, будем тут по темноте шароёбиться...

Всхлипнула, засопела, но побежала. Вот и молодец, вот и умница. Хорошая девочка.

Уже при свете фар загнал машину во внутренний двор. Под колёсами что-то зловеще хрустело в траве, но обошлось, покрышки не пропорол. Девиц пропихнул в щель, юношу бледного попытался припрячь к переноске корма, но мало-успешно – тот зверски тупил, не догоняя, как пролезть в щель вместе с ящиком. Криспи на него злилась, даже пыталась стукнуть, но не помогло. В результате пришлось всё же таскать мне.

В башне было прохладно, но хотя бы ветер не дул. А когда я развёл камин, стало даже как-то уютно. Но зимовать с одним камином я б не стал – вымерзнешь тут при каменных-то полах и стенах. Что там тепла с того камину – погас и остыл. Тут бы печечку какую сложить... Сидячих и лежачих мест на всех не хватало, я вытащил из УАЗа заднюю лавку, благо там просто, два шплинта выдернуть. Лавку с трудом просунул, затащил в помещение, опёр на стену. Ну, кто-то один на ней поспит, кто-то на диванчике, кто-то на столе, а кому-то придётся в кресле крючиться. Всё не на каменном полу. Спальник один на всех, его на стол, воды пятилитровка из машины – вот и всех удобств пока. А куда деваться?

– Так! – сказал я серьёзно, как бы всем присутствующим,

но адресуюсь, конечно, в первую очередь к Кристи. – Ночевать здесь, ждать меня, на полу не сидеть – простудите себе всё ценное. Гадить строго на улицу, но по двору не шляться, там какое-то дрекольё, ноги в темноте переломаете. Всем понятно?

Тупые коровьи глаза Бритни, беспросветно пустые глаза Дрища и по-детски сияющие от желания угодить глаза Криспи уставились на меня. Третья не соизволила – сидела на диванчике, завесившись лохмами и уставившись в пол.

Поняли они, как же, щазз. Ничего, тут относительно тепло, жратва у них есть, вода тоже, до утра не загнутся.

– Криспи, пошли со мной, к тебе отдельный разговор будет... – поманил рукой для понятности.

Подхватила, закивала, пошла. Отвёл её к машине, посадил попой на тёплый капот, чтобы смотреть чуть снизу, так доверительнее. Вокруг было уже совсем темно, но светящие в стену фары давали достаточно отражённого света.

– Криспи, – сказал я серьёзным значительным тоном, – я очень на тебя рассчитываю. Следи за этими обалдуями, не давай разбредаться, сидеть на холодном и гадить по углам. Я сейчас уеду...

Криспи жалобно пискнула, но я продолжил:

– Я ненадолго! Утром обязательно – слышишь? – обязательно вернусь. Привезу тебе еды, вам одеял и прочих предметов быта. Поняла?

Смотрю – не очень-то поняла. В глазёнках слёзки и пани-

ка-паника. Бросают! Оставляют!

Не, так не годится.

– Так, Криспи, слушай меня. Я. Тебя. Не. Брошу. Я точно не лучший человек на свете, но я так не поступаю, – я говорил серьезно, убедительно, каждым словом внушая уверенность. – Я, нахрен, вообще ума не дам, что с вами делать, и Андрей та еще падла, но завтра я совершенно точно вернусь.

На слове «Андрей» она вздрогнула и тихо заскулила. Вот еще не хватало...

– Никого не бойся, я не дам тебя обидеть. Жди меня. Береги остальных – ты тут, походу, самая вменяемая, так что соберись.

Девушка потянулась ко мне и, обхватив руками, застыла. Сжала меня из всех своих невеликих сил так, что мне аж больно стало. Сердечко колотится, сама сопит встревоженно. Осторожно обнял, погладил по нечесанной голове. Он волос пахло почему-то ребенком, а не взрослой женщиной, и это будило во мне смутные родительские чувства.

– Всё, до завтра. Береги их и себя, я на тебя надеюсь. Всё поняла? Скажи «да». Ну, будь умницей, скажи!

И, о чудо! – потупившись и сделав над собой заметное усилие, Криспи тихонечко пискнула: «Да...»

Да ты ж моя радость! Вот теперь я и сам начинаю верить, что, возможно, прорвёмся, а не порвёмся. Вербальные коммуникации – страшная сила. Снял с капота, чмокнул в лобик, заправил в дверную щель. Был соблазн закрыть воро-

та для пущей сохранности контингента – но в туалет-то им надо куда-то ходить. Интересно, как аборигены решали этот вопрос? Неужели в кустах? Непонятно.

Ладно, будем решать проблемы по мере актуальности. Сейчас надо вернуться домой, чего я, кстати, ещё ни разу не проделывал. За суетой я как-то и подзабыл, что вообще-то нахожусь в другом мире, и между мной и домом не только дорога из гаража в центр, но и проход между мирами, который ещё надо открыть. Андрей так уверенно сказал: «Справишься!», что я даже и не задумывался до сего момента – а точно справлюсь? А если нет?

Стоп, надо мыслить позитивно. У меня там жена и ребёнок, я не могу не справиться, это исключено вообще. Подъехал, упёрся фарами в тёмную каменную стену, по которой никак не скажешь, что где-то там за ней мой гараж. Приложив руку к стене, постоял, выкинул все мысли из головы и просто попросил открыться. Спокойно, без истерики и боязни провала. Ну, он и открылся, конечно. Куда он, нафиг, денется.

Глава 2

«...Принятие правительством Германии новой концепции гражданской обороны. Населению предписано позаботиться о запасах продовольствия, пока правительство не задействует предусмотренные средства защиты...»

– Знаешь, любимая, у меня для тебя есть новости...

– Хорошие или плохие?

– Всякие. Но начну с хорошей – ты же хотела дачу?..

Всё-таки у меня самая лучшая на свете жена. Выслушав, она не завела разговор о психиатре, не устроила истерику по поводу толпы иждивенцев, не упрекнула тем, что я не рассказал всё раньше, не впала в ревность. Первое, что она сказала, когда я выговорился и заткнулся:

– Боже мой, и ты оставил их там одних?

Она такая. Даже поселившееся у нас под карнизом семейство воробьёв, нагло выклевавших утеплитель и устроивших себе таким образом халявный обогрев гнезда за наш счёт, называет «наши птички» и опекает как родных. Мироздание создало её в компенсацию к моей мизантропии.

С утра она взяла отгулы на работе, отпросила в садике Мелкую – у нас, к счастью, садик не казённый, там не строго, – и мы понеслись по магазинам. Мелкой это за счастье, она магазины любит. То зацепится за коляску и катается, ви-ся обезьянкой, то вырывает у мамы покупки, чтобы торже-

ственно и самостоятельно их в эту коляску водрузить, то просто скачет по длинным проходам, заморожено застывая перед непонятными цветными штуками. Наслаждается шопингом, в общем. Ничего не выпрашивает, нет – её просто радует тот факт, что вокруг всего много и всё такое яркое. Мне вот все эти шопинги – хуже керосину, а ей нравится. Девочка.

Не, что ни говорите, а что б мы без женщин делали? Я б вот и не сообразил купить кроме еды и надувных кроватей целую кучу всего, что для моей жены было самым собой разумеющимся. Средства для уборки помещений, включая вёдра, тряпки, швабру, веник, бытовую химию и прочее – я бы сообразил не раньше, чем там грибы начли расти по углам, а ведь логично же, чёрт побери. Мыльно-рыльные, опять же. Пока я не был женат, у меня был один кусок мыла и один флакон какого-то шампуня, а теперь на полку в ванной смотреть страшно. Для сухих, для уставших, для тонких, для длинных... Откуда в одной женщине столько разных волос? Опять же все эти женские штуки, про которые нам, мужикам, лучше и вовсе не знать... А у меня, как ни крути, преимущественно женский коллектив собрался.

Посуда же! Чёрт побери, если их кормить чем-то кроме комбикорма, то это надо готовить. Как? В чём? На чём? Плитку и баллон? Вода. Воды надо до чёрта, там её неясно пока, где брать. Песок, скалы, берег – колодец не выкопаешь. Как аборигены этот вопрос решали – бог весть. Про них во-

обще ничего непонятно. Странные они были ребята.

В общем, я рвался на части – с одной стороны, надо дофига всего закупить. Настолько дофига, что сразу всё не сообразишь и не вспомнишь. А с другой – надо бы поспешить вернуться, пока они там в панику не впали и не натворили глупостей каких-нибудь. С Криспи вполне станется пойти меня искать и в результате самой потеряться, оставив остальных без присмотра. Не, надо побыстрее возвращаться, чёрт с ними с покупками – потом доберём.

Вывести семейство из приступа потребительского безумия удалось не сразу – «нам обязательно нужно ещё вот это, и вон то, и ещё надо...» Надо, надо, кто ж спорит. Всё надо. Поди вот так подними хозяйство с нуля на ровном месте. Однако и время жмёт, и бюджет семейный дно кажет. Не знаю, как прочие умудряются, но я как-то недостаточно сильно люблю деньги, и они отвечают мне в этом полной взаимностью. От зарплаты до заплаты и никаких накоплений – вот наш стиль. Почему-то тут Мироздание не додумало и не компенсировало моё распиздяйство каким-нибудь жониным скопидомством. Оба два хороши. Удачно, что у меня премия за один проект недавно упала, и я её ещё профукать не успел. Ну ничего, вот как раз отличный повод.

Кассирша невозмутимо отмотала нам полутораметровый чек, кредитка в глубине электронной души крикнула, опустошаясь, дочка ловко выхватила из общей кучи невесть как оказавшийся там под шумок киндерсюрприз. В багажник ко-

рейца пакеты записывали с трудом, а вот в УАЗик они потом в гараже вошли с запасом – задней лавки нет, там осталась. Жене пришлось взять мелкую на руки, а я с некоторым даже изяществом открыл проход – одним движением руки и усилием внутри себя. Как будто новая мышца какая-то в организме появилась, открывательная. Сфинктер Мироздания.

Вот тут жену и догнало, наконец, что всё это правда. Потому что верить-то она мне верила безусловно, но верить – это одно, а увидеть – это совсем другое. Поэтому я и не хотел ничего до поры рассказывать, не имея возможность показать. Женскую доверялку перенапрягать не стоит, она хрупкая.

– Ой, – сказала жена и прижала к себе дочку, – какое оно...

Но, опять же, отдаю ей должное – не запаниковала, не стала спрашивать, насколько это безопасно, не забила в материнской защитной истерике. Хотя сам в первый раз, помнится, увидев это клубящееся тёмное ничего в переходе, довольно сильно напрягся. А меня люди поопытнее проводили, я третий раз всего открываю. Ну ладно, если и канем куда – так хоть всё вместе.

Не канули.

Море шумело, утренний свет подхватывал башню розоватым контражуром и как будто возносил её над берегом, делая парящей в лучах на фоне безбрежного горизонта. Это было настолько фантастически, запредельно красиво, что даже ее не вполне приличная форма терялась. Это само по себе

стоило всех волнений и напрягов. В такой красоте только и нужно жить. Жена и Мелкая замерли, не веря своим глазам и только дочка сказала тихонько:

– Море... Папа, это же море...

– Да, милая. Оно целиком твоё, – ответил я ей.

– А как оно называется? – немедленно спросила дочь.

– Уже никак, наверное... – растерялся я. – Сама назови.

Пусть будет Машкино море, например. «Машкеан».

– Нет, – серьёзно возразила Мелкая, – так нельзя. Оно такое большое, а я такая маленькая. Я его немножко даже боюсь... Ой, а кто это бежит?

Твою дивизию! Точно, от дома суматошной рысцой ломилась к нам Криспи. «Угомона на неё нет», – как говаривала во времена оны моя прабабушка. Я торопливо вылез из машины, предусмотрительно шагнул навстречу и успел-таки подхватить, не дав грохнуться на колени в двусмысленной позе. Так что Криспи обняла меня за грудь и к ней же головой припала, бормоча радостно: «Да! Да! Да!»

– Чего она «дакает»? – спросила сзади жена.

– Радуетя так, – пояснил я. – Благодарит, что не бросил и вернулся. Слов-то других не знает, я до вчера вообще думал, что немая...

Криспи резко смолкла, отстранилась и уставилась на жену. Ну, что-то сейчас будет...

– Да? – произнесла она вопросительно.

– Ещё какое «да», – подтвердил я. – Ты себе даже не представляешь.

Она подошла к Ленке вплотную и пристально посмотрела ей в лицо – жена у меня невысокая, но Криспи вообще мелочь, так что немного снизу. Я слегка напрягся, готовый её перехватить если что – чёрт угадает, что вдруг в башке переключит. Криспи медленно протянула руку и потрогала её волосы – рыжие, дивного оттенка лакированной меди. Понимаю, сам бы трогал и трогал красоту такую.

Жена не отшатнулась, не дёрнулась, только сказала тихо: – Бедная девочка...

– Кто эта тётя? – деловито поинтересовалась Мелкая. – Как её зовут?

У неё как раз свойственный детям период актуализации мира, она познает его в названиях и именах, раскладывая в своей голове по полочкам.

Криспи замерла. Машка суший ангелочек небесный – тонкая-звонкая, в роскошных белых кудряшках и голубых глазах. Я иной раз сам смотрел на неё с замиранием сердца – ну за что мне красоту такую выдали? Я ж вообще недостоин ни разу. И в розовом всем. У неё розовый период, и никаких иных цветов в одежде не допускается под страхом горьких девчачьих рыданий, от которых осыплется тёмной пылью даже самое каменное сердце.

– Тётю зовут Криспи, – пояснил я.

– Привет, Криспи, – сказала Мелкая.

Криспи опустилась перед ней на колени и замерла заво-
роженно. Протянула было руку – отдёрнула. Снова протяну-
ла и осторожно, кончиками пальцев потрогала белый тонкий
локон. Отдёрнула. Снова протянула – уже к платью и акку-
ратно погладила розовый кружевной подол.

– Пап, а почему тётя плачет? – растерянно спросила доч-
ка.

– Потому что у неё нет розового платья, милая, – ответи-
ла ей жена. – Бедная девочка, за что ж её в это убожество
нарядили-то?

– Я могу ей, наверное, дать своё, – сказала добрая Маша
неуверенно. – Но оно же слишком маленькое... Ма-ам, пусть
она не плачет, пожалуйста!

Да-да, в действительно важных вопросах бытия мы апел-
лируем сразу к высшей инстанции Мироздания – к маме.
Папа у нас утилитарно-прикладного назначения – например,
если нам срочно нужен самокат. Розовый, разумеется, какой
же ещё. Или мороженое. Или маму не удаётся разжалобить
на очередную куклу.

– Ох, что ж мужики такие по пояс деревянные? – вопро-
сила моя жена в пространство. – Немая она... Да о чём с
вами разговаривать? Её же одеть надо, помыть, причесать!
Бедная девочка!

Ну, слава Мирозданию, приоритеты расставлены. Криспи
зачислена в число опекаемых. Удивительная у меня жена
всё-таки, у неё первая инстинктивная реакция всегда пра-

вильная, добрая. Я бы сначала все плохие варианты перебрал, да и потом долго бы их имел в виду на всякий случай. Я ведь всякие расклады держал в уме – что она этак по-бабски вдруг заревнует, что упрётся в «девай это всё куда хочешь», или, в материнском слепом протесте «у нас ребёнок, во что ты нас втравил?» Ну, мало ли, что никогда такого не было – а вдруг? В каждом человеке такие бездны кроются, что нидайбог. Мне даже немного стыдно стало. Но совсем чуть-чуть. Должен же кто-то создавать в Мироздании противовес такому доброму прекрасному человеку, как моя жена? А то оно накренится и рухнет. Вот я и создаю.

В башне жена развернула бурную деятельность. Для начала отправила меня за водой к морю: оказалось, что вниз, к берегу, идёт слегка облизанная выветриванием, но вполне годная каменная лестница. Бегать по ней туда-сюда с ведрами – тот ещё фитнес, но пришлось. Имеющая некоторый пунктик на чистоте супруга гоняла меня нещадно – увидев, в каких условиях наши скудоумцы провели ночь, она пришла в ужас. Ой, подумаешь – ну пыльно немного... Ладно, изрядно пыльно на самом деле. Теперь они те ещё красавцы были, серым по серому угваздавшись.

Началась хозяйственная деловитая паника: «Ой, их надо мыть!», «Ой, во что же их переодеть?», «Ой, да у них же белья никакого нет! Почему ты мне не сказал?» Почему-почему... Вот я ещё про трусы их помнить должен. До сих пор

обходились и ещё немного перетопчутся! Метался я как солдат-первогодок. С армии столько полов не драил. Зато никакого напряжения в отношении новых питомцев у жены не возникло, а его-то я больше всего и боялся. Даже на сиськоватую нашу Бритни посмотрела спокойно, сказав только «эх, ей бы столько в голову, сколько в лифчик...» А так, записала их в свой внутренний реестр куда-то между хомячками и детишками, и вперёд – заботиться. Воду я грел в камине в железном ведре, морскую. Купать их в море всё же было холодно, весна только. Чёрт, водяную проблему надо решать как-то глобально, но за хозяйственной гонкой у меня не было даже минуты осмотреть окрестности. Может там за холмами река вообще, а мы тут мучаемся? Мыли в жестяном старорежимном корыте – я и не знал, что такие ещё делают и продают. Сажали по очереди, поливали ковшиком из ведра и мыли. Больше всего проблем оказалось с третьей, безымянной – она дичилась, не хотела раздеваться, мотала головой и махала руками... Я бы плюнул, но жена, умеющая уговорить дочку сначала оторваться от игры и залезть в ванну, а потом, что не менее сложно – оттуда вылезти, обладает неотразимым мочным скиллом.

Оказалось, что они все безволосые везде, кроме головы. Включая Дрища. И вот ещё интересно – все они не пахли. Не то чтобы совсем, но не пахли, как должен пахнуть нормальный взрослый человек, который некоторое время не мылся и не менял одежды. Даже женщины, как бы это сказать... не

пахли женщинами. Ну, для примера – попробуйте помыть трёх голых красивых женщин, да? Если со здоровьем всё в порядке, то будете испытывать в процессе определённое неудобство, даже если моральные принципы, и вообще ситуация не располагает. Ну просто потому, что это мимо мозга работает, на связке гормоны-феромоны. Головой вы, может, и не хотите, но организм сам по себе реагирует. А тут визуальный стимул химическим не подкрепляется. Ещё одна загадка.

Кто никакими загадками не заморачивался – так это Мелкая. Она бегала по башне, плескалась водой, металась, как розовое пушистое торнадо, иногда выбегала к морю – но останавливалась от него всё же в почтительном отдалении. Оно действительно такое большое, а она такая маленькая. На лишенцев моих Машка отчего-то производила впечатление сногшибательное. Они глаз от неё не отрывали – ну, кроме безымянной третьей, но и она нет-нет да постреливала взглядом из-под волос, теперь наконец-то чистых. Зато, когда Мелкая сняла туфельки и носочки, чтобы вытряхнуть песок, а потом отвлеклась на минуту, носочки исчезли, как не бывало. Короткое расследование показало, что «тётя без имени» зажала по розовому, в белых кружавчиках носочку в каждом кулаке и готова покусать каждого, кто попытается их забрать. В буквальном смысле этого слова.

Мелкой было жалко тётю и жалко носочков, она никак не могла решить, чего жальче, а потому прибегла к безот-

казному способу преодоления любых жизненных трудностей – разревелась. Что тут началось! Криспи рухнула на колени, обняла мелкую и заревела вместе с ней, поливая слезами розовое платье и пелеринку (тоже розовую, а вы как думали?). Сисястая дура Бритни заметалась, затрепетала округлостями, потом подхватила туфельку (розовую, да, розовую), притащила её Мелкой и начала суетливо совать в сжатый в горестном жесте кулачок. Безымянная третья попыталась забиться в угол, не нашла его в круглой комнате, зашхерилась за диван и оттуда сверкала глазами, как нашкодившая кошка. За носочки была готова биться до последнего клочка кружавчиков. Дриц повёл себя как настоящий мужик – то есть драпанул со всех ног от бабских истерик. Подвела координация – запнулся об порог, посыпался по лестнице, где, судя по звуку, затормозил головой в ворота. К этому чаячьему базару добавились его унылые подвывания. Всё это случилось так моментально, что я застыл с лопатой в руках, в затруднении, кого бы ей охучить, чтобы прекратить.

Но прекратилось само – Машка перестала плакать просто от удивления, заморожённо наблюдая за происходящими во круг метаморфозами. Я немедленно пообещал ей купить новые носочки, ещё более розовые. Да, я иногда бессовестно вру детям – невозможно себе представить нечто более розовое, чем уже. Но там могут быть, например, более развесистые кружавчики. Мелкая согласилась на журавля в небе и великодушно позволила «тёте без имени» оставить носочки се-

бе, хотя Криспи, кажется, была готова растерзать виновницу машинного огорчения. Бритни всучила туфельку, угомонилась и снова застыла в безмятежности, «третья безымянная» так и сидела за диваном, а Дрища внизу уже тормозила вернувшаяся со двора жена, выясняя, что случилось и что у него болит.

– Дядя Дрищ упал и ударился! – просветила её Машка громко.

Дядя Дрищ, ага. Я подумал, что Мелкой некоторое время лучше в садик не ходить. Наше позитивное и говорливое дитя немедля донесёт до всеобщего сведения, что дядя Дрищ упал, что море большое, и что папа мыл в тазу много голых тётенок. Не, это определённо не вариант... И тут меня вдруг накрыло – етичка сила! А ведь не приведи карма, кто-то узнает о нашей дверце к морю! Это же не просто жопа будет, это же представить себе страшно, какие последствия! Люди обычно не обращают особого внимания на детскую болтовню, а ну как персонально нам не повезёт? Какое такое «большое море»? От нас ближайшее в тыще с лишним кэмэ... Кому-то станет странно, кто-то заинтересуется, а кто-то, я даже знаю кто, притащит вот эту ракушку вот в этом кармане вот этого платья... Розового.

У меня выступил холодный пот, в глазах потемнело и ножки подкосились. Вот я ж debil несуразный! Домик мне у моря, идиоту... Мне ж до сих пор и в голову не вступило, что будет, если это дойдёт до кого не надо. Тот скромный

факт, что у меня личная дверка в целый мир. Да меня у этой дверки на цепь посадят! А семью в заложники возьмут. Причём абсолютно не важно, до кого именно дойдут эти ценные сведения – до государства, до другого государства, до любой третьей или четвёртой силы – результат будет одинаков. При таких ставках полмира в порошок сотрут при случае – и будут считать, что в барышах. Полмира на целый поменяли, плохо ли? А уж одного отдельно взятого меня и вовсе никто не спросит. Ох я поааал...

– Что с тобой? – спросила озабоченно жена, поддерживая на лестнице криво ковыляющего с перевязанной головой Дрища. – На тебе лица нет!

– Головы на мне нет... – ответил я в отчаянии. – Что ж я, дурак такой, натворил!

– Ну, как натворил, так и поправишь, – у жены вера в меня иной раз выходит за границы разумного.

– Нет, ты послушай... – и я изложил всю открывшуюся мне вдруг бездну возможных последствий.

– Ну что ты заранее паникуешь? – выслушав мой сумбурный поток апокалиптической паранойи, спросила Ленка. – Ничего ведь ещё не случилось. Надо просто быть аккуратными и не засветиться.

– Да ты знаешь, что не засветиться сейчас нереально? – завёлся я.

– Я – не знаю, – спокойно ответила моя разумная жена. – Зато я красивая!

Я не выдержал и рассмеялся. И не возразишь ничего.
Факт.

Глава 3

«...Специалистам по Big Data достаточно анализа 68 лайков в „Фейсбуке“, чтобы определить цвет кожи испытуемого с вероятностью 95%, его гомосексуальность с вероятностью 88%, а приверженность Демократической или Республиканской партии США с вероятностью 85%...»

«...После десяти изученных лайков система опознаёт пользователя лучше, нежели его коллеги по работе. После 70 лайков – лучше, чем друг. После 150 лайков – лучше, чем родители. После 300 лайков – лучше, чем партнер. С ещё большим количеством изученных действий мы узнаём о человеке больше, чем он знает о себе сам...»

Когда несколько лет назад я вышел из аскетического состояния вольного автомеханика и неожиданно впал в статус мужа и отца, которому надо семью кормить, пришлось задуматься об источниках дохода. Прекрасная в своей раздолбайской свободе гаражная вольница комфортна для социофоба, но, откровенно говоря, малоприбыльна. Однако Мироздание всегда подаёт нуждающимся если не рыбу, то удочку – так и мне в какой-то момент написал старый институтский приятель и пригласил встретиться по взаимному интересу. Он-то и предложил мне работу – для начала скромным мониторингом данных. Отличное занятие для челове-

ка с противопоказаниями к офису – сидеть дома да лопатить интернет, разыскивая в нём то, что интересует людей, время которых слишком дорого стоит для таких глупостей.

Поскольку интернет давно уже превратился из информационной среды в сферу влияния, то поисковые системы выдают только то, что одновременно кем-то оплачено и не противоречит базовым установкам системы. Ещё несколько лет назад через это можно было продраться, используя умные фильтры и отбрасывая всю коммерческую выдачу (первый десяток страниц или около того), но теперь эти лазейки наглухо закрыты. За внешним бронированным слоем коммерческого таргетинга идёт почти непробиваемый по толщине вязкий слой поисковой оптимизации, затем умная защита фейкового дублирования из почти-одинаковых-но-не-со-всем ресурсов, которые автоматически генерируются прямо под ваш запрос, затем туманная полоса «белого шума», где нужную вам информацию нарочито равномерно перемешали с мусором до полной однородности, и ещё, и ещё... И даже если вы с целеустремлённостью кумулятивного заряда проломитесь через весь этот бронебутерброд, то окажется, что за ним ничего нет, кроме ловушки для простаков, в которую вы уже попали просто по факту своего упорства.

Вот, к примеру, вы увидели в лесу зелёного ёжика и решили выяснить, что это за чудо такое. Первым слоем вам вывалится несколько тысяч предложений что-то купить – по большей части (но не обязательно) зелёное, и, возможно, ме-

стами как-то связанное с ёжиками. Кактусы, например.

Зелёные ёжики – 26 предложений на Маркете
market.yandex.ru > зелёные ёжики

10 магазинов. Выбор по параметрам. Доставка

Допустим, вы упорны и умелы в работе с поисковиками.

Тогда вы при помощи встроенных фильтров (процентов 80 пользователей даже не знают, что они есть) отсечёте прямые предложения купить и провалитесь в слой сайтов, оптимизированных в выдаче по запросу «нечто зелёное» и «какие-нибудь ёжики». Рассуждения на тему «как ёжики ебутся» и «зелёные колючие анальные пробки» поглотят вас. Средний гуглопользователь на этом этапе утонет в мусорной выдаче, откается, плюнет и вернётся на первый слой покупать кактус, но упорный и изобретательный непременно найдёт, как ему кажется, искомое: «настоящая правда о зелёных ёжиках», «всё, что вы хотели знать, о зелёных ёжиках, но боялись спросить», «как_найти_зелёного_ёжика.doc» и так далее. К радости неофита, это будут ссылки на малые тематические форумы, где уж точно настоящие живые люди и общение по теме, но... Буквально через пару страниц нейтрального трёпа он встретит нечто вроде такого диалога:

– Ребята, киньте реальную инфу о зелёных ёжиках!

– Лови ссылку!

– А там просят отправить смс, ничо?

– Не, нормально, отправляй, не ссы!

Разумеется, если отправить смс, то окажется, что вы под-

писаны на услугу «гей-порно-смс-онлайн», за которую у вас с баланса ушли все деньги за пять минут. Но это не так важно, как тот факт, что, если искать не зелёных ёжиков, а, к примеру, красных пыжиков, то через некоторое количество потраченного времени и трафика, человек оказывается на точно таком же, до запятой, форуме, но только про красных пыжиков. На самом деле, система в реальном времени генерирует их по шаблону прямо под запрос. Зачем? Ну, отчасти ради платных смс, но это только первый слой смыслов. На самом деле всё и сложнее, и проще одновременно, но об этом в другой раз как-нибудь. Если вы обычный пользователь, который ищет в интернете новости, анекдоты, рецепты, сиськи, котиков и секса без обязательств – вас это не касается вообще никак. Первый слой выдачи заточен под вас идеально, дальше и искать незачем.

В общем, человек, умеющий поймать в этой каше настоящего зелёного ёжика, а не наловить полную жопу кактусов, оказывается в какой-то момент весьма востребованным, причём, как бы это ни было смешно, как правило, теми же людьми, которые и выстроили всю эту систему многослойного зашумления информационного пространства. Если змея достаточно длинная и извилистая, она в какой-то момент неизбежно кусает свой хвост.

За несколько лет работы я вырос от рядового мониторинщика-крафтера, который готовит сырые выборки по всяким запросам, до умеренно почтенного аналитика среднего звена,

которому позволено объединять данные в кейсы и делать из них выводы. «Квалитатив ресёрч» на нашем волапюке.

Мне помог хороший письменный английский, не совсем выпавший из головы институтский курс статматематики, а также некоторые базовые навыки программирования, позволяющие строить собственные программные инструменты там, где не находится готовых. Поэтому я был отчасти допущен к таинственной бездне под названием «бигдата», которая может всё, но никто пока толком не понимает, что именно. Вдаваться в утомительные технические подробности не буду, скажу главное – все наши электронные следы на сегодняшний день заботливо собраны, рассортированы, учтены и проанализированы. Их гораздо больше, чем кажется среднестатистическому обывателю, это гигантские объёмы данных, но современные распределённые сети это прекрасно переваривают и добавки просят. Каждая оплата карточкой, каждая покупка через интернет, каждая регистрация телефона на новой соте, каждый билет на поезд, самолёт и автобус, каждый поисковый запрос, каждый твит и каждый чекин. Смартфон – окно в вашу прайвеси, смартфон с дефолтными настройками – широко распахнутая дверь, айфон – ворота, в которые грузовик проедет. Это, конечно, в первую голову рекламный таргетинг – стоит вашей жене купить в аптеке тест, а потом витамины для беременных – и реклама колясок удивительным образом возникнет в вашей ленте в «Фейсбуке». Но рекламой бигдата, разумеется, не ограничи-

вается, она побочный приварок к главным задачам – немного самоокупаемости ещё никому не мешало.

Я не знаю всех применений бигдаты – подозреваю, их не знает никто. Но есть одна функция, которая ей, несомненно, присуща – автоматическое и моментальное выявление любых поведенческих аномалий. Потому все любители конспирологии, прячущиеся от Большого Брата путём использования анонимных мэйл-сервисов, стойкого шифрования и сетей Тог, общающиеся исключительно в даркнете через ретрошару и молящиеся на биткойн, на самом деле просто вешают на себя огромный плакат: «Эй, посмотрите, со мной что-то не так!!!» И, натурально, смотрят. Нет, никто не взламывает их защищённые емейлы, не читает их самотестирующиеся торчаты и не расшифровывает их криптостойких посланий. Зачем? Это хлопотно, затратно, а главное – не нужно. Не нужно перехватывать распределённый питупи-трафик Тора, достаточно уверенно опознавать сигнатуру его использования, чтобы где-то зажглась первая красная лампочка – эй, этот парень пользуется Тором! А ну-ка давайте посмотрим – он просто торренты с порнухой ищет, или, к примеру, рецепт гексогена? Опять же, для этого не нужно ничего криптостойкого ломать, и никакие суперхакеры кэйджиби с красными глазами под фуражкой не встанут на ваш виртуальный след. Просто внимание системы к вашим поисковым запросам будет чуть повышено, и, если, например, вы недавно интересовались у гугля, как сделать электронный таймер

из будильника – где-то зажжётся вторая лампочка, чуть ярче первой. А если вы вскоре заказали с алиэкспресса копеечный электронный модуль, на котором есть красный и синий провод и бегущие к нулю циферки, то после лампочки может пискнуть первый зуммер. А если среди ваших подписок во «ВКонтакте» окажутся при этом некие совершенно безобидные на первый взгляд сообщества любителей арабского языка или поговорить за ислам, то вы вполне можете заслужить первое персональное повышение статуса – вас переведут на контроль. Пока не персональный, просто вы попадёте в раздел базы данных «на общем мониторинге». Теперь на ваши лампочки и зуммеры будут реагировать уже не только эвристические алгоритмы распределённых вычислительных сетей, но и некий неравнодушный умный человек, который умеет сделать вывод о существовании океана по капле воды. Следующую стадию – персональный мониторинг, – надо заслужить, но, если вам это удалось, то, скорее всего, дело рано или поздно кончится совершенно не виртуальным визитом серьёзно настроенных людей, которым, опять же, и в голову не придёт взламывать шифрование ваших трукрипт-дисков. Зачем? Вы сами всё расшифруете, покажете и расскажете. Даже не сомневайтесь в этом.

«Ха-ха, ну мне-то это не грозит, – подумает наивный пользователь, прочитавший этот абзац. – Я-то не дурак искать в гугле рецепт динамита и схемы минирования мостов!» Отчасти он будет прав – но только отчасти. Даже если вы пере-

стали покупать в ближнем магазине пиво и стали покупать водку – на это уже сработает какой-то триггер. Ваше потребительское поведение изменилось. Почему? Может, вы становитесь алкоголиком, и вас следует внести в группы повышенного контроля по этому параметру? Скорее всего, ничего не произойдёт. Но не исключено, что вы нарвётесь на неожиданно жёсткую проверку при попытке получить оружейную лицензию, кто знает? Я не знаю, кстати, это не моя область компетенции.

На самом деле никто не знает, как формируются триггеры, потому что задаёт их, как ни странно, тоже машина. Как? Ну вот знаем мы, к примеру, что этот мутный поц относится к исламским террористам. Или, наоборот, к буддийским похуистам, неважно. Машина считывает всё, что по нему есть, и сравнивает с такими же террористами/похуистами и с контрольной группой. Совпадения суммируются, расхождения учитываются, и выводится какой-то общий по группе набор ключевых определяющих паттернов. Какой, из чего он состоит – опухнешь вникать, это может быть тысяча триггеров или больше. Жизни человеческой не хватит проверить всё, поэтому в то, что работает, – не лезут. Система умеет самокорректироваться, так что ошибки бывают редко. С одной стороны, немного странно, что фактически людей контролирует машина, да ещё и по созданному ею же алгоритму – отдаёт какой-то дурной фантастикой про порабощение человечества тостерами. А с другой – в этом вся бигдата.

Она принципиально оперирует слишком большими объёмами данных, чтобы человек мог контролировать процессы в деталях.

Поэтому я, как мало кто другой, понимал, что сохранить в тайне наш маленький (размером с целый мир) секрет – это на грани невозможного. Моя работа открыла мне некоторое новое понимание того, как работает система, но она же и обозначила меня для неё как один из приоритетных объектов. Это нигде не упоминалось прямо, но подразумевалось – мы в системе, а значит, по умолчанию в мониторинге. Моя работа не только не требовала погон, она даже не включала режима секретности – я работал только с открытыми данными, никаких государственных тайн, никаких подписок, никаких ограничений в выезде и так далее. Всё, что я мог выяснить по работе, бралось исключительно из «паблика» – публичного информационного пространства, открытого всем желающим. Блоги, форумы, чат-платформы, социальные сети – это бездны информации, если уметь её просеивать. Чтобы узнать, каких именно военспецов размещает НАТО в Киеве, не нужно прогрызать тёмной ночью сейф в подвалах Пентагона, достаточно посмотреть, что постят эти спецы в своих «Инстаграмах». Не виды ли Днепра? Я очень сильно упрощаю, разумеется, но общий принцип такой. Даже если этим спецам, к примеру, запрещено постить виды и селфи с благодарными проститутками, и даже если предположить невероятное – что они все этот запрет соблюдают, – то можно

навестись на то, что они перестали постить в «Инстаграм» свою выкошенную лужайку в Айове и пухлых детей вокруг барбекюшницы. Изменение поведенческого паттерна, понимаете?

Так вот, стоит измениться моему поведенческому паттерну, система сразу подаст сигнал, ведь я уже не в нижней группе приоритета. Американцы в фильмах любят пафосно сказать: «Я работаю на правительство!» (Вопиющую абсурдность этого утверждения не замечает только тот, кто представляет себе некое монолитное «правительство», на которое можно работать. На самом деле ничего подобного в природе не существует.) Я же работал на некую информационно-сервисную структуру, определённым сложным образом ассоциированную с некими группами, каким-то боком участвующими в формировании государственной политики. С какими именно – до нашего сведения никто не доводил, незачем. Однако я для системы уже не был пустым местом, на которое надо реагировать только когда накопится определённый тревожный анамнез. Если я как-то подозрительно задёргаюсь, то меня спялят сразу.

Вообще, если честно, я уже наверняка задел какие-то сигнальные паутинки – спонтанная покупка в гипермаркете целой кучи неожиданных хозяйственных мелочей (по карточке, вот я кретин!). Двукратное пропадание телефона из сети в одной и той же точке (надо было бросать его в гараже, я не подумал). Синхронное во второй раз пропадание там

же телефона жены. Неожиданно и без повода взятый женой БС (это уже в компьютере бухгалтерии, а значит, в системе), неплановое изъятие ребёнка из садика (сразу в систему не попадёт, они на бумажке пишут, но по итогам месяца засветится, когда оплату проведут). Вообще-то само по себе это пока на полноценный алярм не тянет. Ну, наверное. Я ж не знаю, какой по нам, аналитикам среднего звена, уровень тревожности выставлен, и уж тем более не знаю, какие триггеры. Мало ли, купили всякого барахла, свезли в гараж, а что телефоны погасли... ну, например, положили их неудачно. Если по мне работает только машина, то с высокой вероятностью я уровень алертности не превысил. Если попал в выборочный контроль живым оператором (для постоянного я уж точно слишком мелкий), то он мог и напрячься. А мог и нет – в гараж я мотаюсь регулярно. С женой редко – но тоже бывает. Тормоза, к примеру, прокачать, почему нет? Может, мы их сейчас как раз прокачиваем... Пыхтим и качаем, пыхтим и качаем... Но это сработает один раз, дальше надо думать. Думать я умею, мне за это деньги платят. Не бог весть какие, но для провинции заплата приличная. И вообще недурная работа – интересная. Узнаёшь много всего нового постоянно. Только что сидячая.

Само по себе изменение поведенческих паттернов скрыть нельзя. Никак. Просто никак, даже думать в эту сторону не стоит. Даже если, к примеру, закупать всё за наличку – сразу палишься тем, что начал наличить много денег. Зачем? Ведь

до сих пор карточкой везде платил... Несколько покупок за наличку в гипермаркете, и локализация твоего смартфона синхронизируется по времени с твоим чеком, камеры на парковке читают номер твоей машины, и так далее. Большинство гипермаркетов имеют систему контроля проходимости торговой точки, которая отсекает вход-выход клиента по слабеющей вайфай-точке доступа возле касс или дверей. Смарту не надо в ней регистрироваться – дефолтную регистрацию во всех открытых сетях оставляют включённой уж совсем полные придурки, – но достаточно обмениваться пакетами и всё, вас посчитали. Даже если вайфай, как вам кажется, на телефоне «выключен». Покупать на рынке? Свяжутся обнал и локализация. Да, что именно ты купил у той бабки система понять пока не может, но само по себе сигнал. Никогда на рынок не ездил, а тут вдруг зачастил... С чего бы это?

Наличка от контроля не спасает, это иллюзия. Наоборот, подозрительно – особенно если у вас в паттерне регулярное использование карточки. Поэтому наличку сейчас вытесняют из оборота относительно вяло – непринципиальный вопрос. Наоборот, упёртые любители налички в безналичном обществе сами себя метят – у нас ещё не так, а в Европе-Америке наличка – однозначный маркер маргинала. Всякие детские наивные хитрости, вроде телефонов с левой симкой и подставных аккаунтов для смартфона тем более оставим любителям бездарных шпионских игр. Что же можно сделать?

Раз скрыть изменение паттерна невозможно, его надо ле-

гализовать. Любой человек может радикально сменить паттерн по самым безобидным причинам. Например, если вы едете в отпуск, у вас вдруг резко меняется всё – локализация, шаблон потребления, средний уровень расходов, ближний круг контактов, объём и тип потребляемого трафика, частота и сентимент-маркеры постинга в соцсети... Для системы вы вдруг становитесь совершенно другим человеком! Соответственно существует и механизм отработки такого алярма – автоматический при попадании в стандартный блок паттернов: «ага, чекин в турфирме, крем от загара и плавки в чеке, билеты, регистрация, перелёт, дальше счёта из бара и снятия в местной валюте – понятно, человек просто в отпуске, отбой». Ну, или если «персонаж в мониторинге», а по нему высокий уровень алертности системы – тут уже кто-то может глазами посмотреть ситуацию. Машина-то нюансов не видит, ей сходу трудно понять, бухать вы в Египет поехали или, например, в шахиды записываться.

Надо создать ситуацию, когда дежурный мониторинщик увидит сигнал системы, проверит, скажет: «А, вон он чего...» – и сбросит уровень до дежурного, а значит, данный паттерн будет помечен впредь как неалертный, и по нему система алармировать больше не будет. А вот чем именно будет это «чего» – предмет для размышлений. Но уже не ужас-ужас и не паника-паника. Нормальная аналитическая задача: на какую безобидную, понятную и легко объяснимую активность будет больше всего похожа моя предполагаемая де-

тельность в контексте существования этого мира?

Для начала прикидываем, что именно добавится к обычной жизни? Нехарактерная потребительская активность — продукты в количестве больше обычного и другого набора, с уклоном в походный, дешёвая одежда в необычном количестве, инструменты, стройматериалы, какая-то простая мебель, посуда, предметы быта. Это раз. Необычная логистика со смещением её фокуса в гараж. Это два. Отсутствие в городе подолгу, одновременно с женой и дочкой, их пропуски работы и садика, снижение моей онлайн-доступности (это, кстати, отдельная большая проблема, я должен быть всегда на связи)...

На что всё это похоже?

Глава 4

«...Помимо проведения мобилизации и призыва граждан из запаса, входит усиление охраны общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, введение особого режима работы социальных и промышленных объектов и транспорта, изъятие необходимого для нужд обороны имущества у организаций и граждан и приостановление деятельности политических партий и организаций, ведущих пропаганду и агитацию...»

– Дорогая, нам срочно нужна дача!

Немая сцена.

Пока я сосредоточенно мыслил, изобретая варианты решения проблемы, которую сам же создал, жена успела навести в башне чистоту, обустроить спальные места из двух больших надувных кроватей, домыть, расчесать и завязать в хвостики причёски наших приبلудышей – ну, кроме диковатой третьей, которая так и не далась. Помыть её помыли, а вот расчесать – ни за что. Так и сидела в углу за диваном, завесившись волосами и охраняя от возможных посягательств зажатые в кулаках Машкины носочки. Даже есть не стала, хотя жена сварила на скорую руку лёгкий куриный суп и теперь потчевала им остальных. Бритни и Дрища – с ложечки, а вот Криспи гордо лопала из миски, как большая. За компанию даже Мелкая стрескала тарелку супа, хотя вообще-то

не большая любительница первых блюд.

И тут я такой, ага.

– Дорогой, – мягко ответила жена, – у нас она теперь есть, ты не забыл?

– Нет, – замотал я головой в приливе вдохновения, – нам нужна самая обычная простая человеческая дача. Унылая развалюха на шести сотках, где-нибудь в непролазных говнах дальнего пригорода. Дешёвая и скучная, с комарами, мышами и крапивой. Чтобы три кривых больных яблони, выродившаяся вишня и пять помидорных кустов во фитофторе. В самом непопулярном месте, чтобы соседей видеть раз в год, пьяными, на Первомай.

– И к чему нам такое счастье? – изумилась жена.

– Для того, чтобы выглядеть идиотами, разумеется!

Человек, купивший дачу, попадает в потребительское безумие, внезапно меняя своё поведение на нерациональное. Ну какой нормальный горожанин будет вкладываться в сельхозинструмент, удобрения, рассаду, гербициды и прочие сопутствующие расходы, чтобы вырастить пять вёдер мелкой картошки, которая на рынке в сезон стоит дешевле, чем бензин на две поездки до дачи? А для дачника это обычный консюмер-паттерн. И суматошная логистика в это впишется, и нехарактерные покупки, и возросшие расходы, и даже периодическое выпадение из онлайн-доступа. Тщательной проверки такое прикрытие не выдержит, но тщательная проверка означает, что ты УЖЕ спалился и дёргаться поздно. Надо

или выходить с поднятыми руками, или требовать миллион долларов, вертолёт и заложников, или раскусывать ампулу с ядом... Так что лучше просто до такого не доводить.

Конечно, это будет очень накладно и хлопотно, но другого выхода я не вижу. Зато в этих расходах легко спрятать другие расходы, а в этих хлопотах – другие хлопоты. Тем и будем утешаться, разглядывая дыру в семейном бюджете.

Как паллиатив, пока решили, что жена возьмёт разом неотгулянные отпуска и накопившиеся отгулы, временно заберёт дочку из садика и возьмёт на себя бытовую сторону, а я тем временем начну операцию по прикрытию. К сожалению, у меня отпусков как таковых не бывает – ещё один минус этой работы. Нет, на самом деле мне никто не запрещает хоть круглый год на пляже валяться – но при этом будь любезен быть на связи. Потому что, если Родина скажет: «Надо!», то никакого ответа, кроме «Есть!», от меня не подразумевается. А надо ей может стать в любой момент. Ну и из информационного потока выпадать нельзя – время сейчас быстрое, пару дней не мониторил источники и всё – выпадаешь из контекста, потому что в мире за эти два дня хрен знает что уже произошло.

Быт наших подкидышей можно было считать в первом приближении налаженным – две двойные надувные кровати застелены одеялами и бельём, камин протоплен, рядом с лестницей в узком привратном помещении поставлен дачный биотуалет. Жена оставила им в тёплом камине кастрюлю

лю сваренного супа и долго пыталась втолковать Криспи, что остальных надо им кормить. Криспи кивала, но что она там на самом деле поняла, можно было только догадываться. Я, если честно, больше рассчитывал на комбикорм, которого было ещё много и с которым они точно умели обращаться. Наружные ворота я обкопал, теперь они открывались и закрывались. Хорошо бы в них какой-никакой замок врезать – не засовом же им закладываться? Но пока просто так прикрою. Промелькнула мысль подпереть снаружи колышком, чтобы не разбредись куда-нибудь по дури своей – но сдержал порыв. А ну как со мной случится чего – они тогда выйти не смогут, так и сгинут внутри. Они, конечно, скорее всего, и так сгинут при таком раскладе, но отнимать даже минимальный шанс как-то нечестно. Ничего, они, вроде, никуда особенно не стремятся. Сидят, вон, кто где сел и тупят тихонечко. Ни мысли в глазах, ни мотивов шевелиться. Мелкая стала для них кумиром в статусе полубожества – и я не только носочный фетишизм имею в виду. Моя дочка была, кажется, единственным зрелищем, от которого их пустые глаза зажигались каким-то интересом к происходящему, а в движениях появлялся мотив и осмысленность. Будь я врачом, прописал бы им регулярные сеансы машкотерапии, для закрепления эффекта. Одна Криспи радуется – всё живее и живее себя ведёт, радуется вниманию. К жене индифферентно, а мне в рот смотрит, ходит за мной хвостиком, периодически трогает – как будто проверяет, что я не галлюцинация.

Скрепя сердце, стали собираться обратно домой. Жена переживала «как они тут одни, бестолковые», Машка готова была бесконечно прыгать по берегу, ну а я досадовал, что до сих пор не нашёл времени осмотреть даже само здание, не то что его окрестности. В башне на высоте метров четырёх располагалось каменное перекрытие второго этажа, но я до сих пор не увидел никакого способа туда попасть. Логично было бы иметь какую-то лестницу в башне, но её не было. Колонна посередине была сплошной, по виду из монолитного чёрного камня. Может быть из правого крыла есть проход? Однако дверь туда была насмерть заклинена могучим засовом, а оказии её вскрыть не было. Я особо и не рвался, предполагая по отсутствию застеклённых окон, что там примерно то же самое ничего, что и в левом, но надо же убедиться! Тут вообще много непонятного – вот, например, почему нет вообще никаких осветительных приборов? Даже в средневековых замках были какие-то держатели факелов или крюки для ламп. А тут голые стены. Даже в светлый день высоко расположенные в толстых стенах окна давали маловато света, внизу царил мягкий полумрак. Непонятно, как отапливались – камином не протопить толком даже башню, не то, что здание целиком. Да и вообще у меня сложилось впечатление, что камин тут устроили сильно позже всего остального, хотя и из того же серого камня. Выделялся он на общем фоне какой-то кустарностью исполнения.

Как они жили? А ведь жили же... Без освещения, без лест-

ницы на второй этаж, без кухни, без отопления, а главное – без сортира. Всякие бывают аскеты, но таких, чтобы не срали, я ещё не видал!

Криспи на этот раз не разрыдалась, но всё же, поняв, что мы уезжаем, заметно суксилась. Сопела, вздыхала, навязчиво лезла обниматься, но смирилась в конце концов. А куда деваться? Я и так нервничал, что слишком долго не на связи. И не зря – стоило въехать в гараж, как нашедший сеть смартфон заблылкал входящими. Родина вспомнила обо мне. Обозначился, сообщил о готовности и помчался домой – читать ТЗ и работать. Будни догнали меня – в некой стране пошёл традиционный разухабистый перепляс того, что у них считается за политику, и Родине срочно потребовался оперативный дэшборд на предмет, кто кого в этом бродячем полевом борделе любит открыто, а кому технично присовывает за кулисами.

Как обычно, задача шла без контекста – то есть, без объяснений, почему нужна именно эта инфа и каково её дальнейшее применение. Не тот у меня уровень. Но, если расти выше, то это уже путь в один конец, как я понимаю – получивши допуск, по свободе не плачь. Сейчас я, формально, не знаю ничего секретного и, если мне надоест в этом говне копать, то я лишусь только неплохой зарплаты. Забавно, но пару раз из-за этого возникали коллизии – я не мог внести дополнения в свои же кейсы, потому что они получали статус ДСП. Написать могу, а прочитав написанное – уже нет.

Допуска не хватает. Но это по разряду курьёзов, неизбежных в больших структурах.

Задача не самая простая, но и не из самых сложных, потому что инструментарий под такие квантитативы есть, причём с некоторой умеренной гордостью даже можно сказать, что наши инструменты заметно эффективнее хвалёных ЦРУшных «Палантира» с АНБ-шным PRISM-ом, хотя по части юзабилити, конечно, уступают. У нас надо синтаксис фильтров помнить, а у них всё красиво и стильно, можно пальцем на планшете по чекбоксам натывать, и организовано так, что дебил поймёт (я скриншоты видел, облизнулся). Зато у нас всё гибко, хитро, нересурсоемко и крайне нетривиально работает. Такие можно неожиданные вещи в граф провязать, что црушники бы жвачкой от зависти подавились. В общем, воткнул в комп свой токен, авторизовался, получил одноразовый пароль на сессию, раскидал рабочие окна по трём мониторам и ушёл с головой в болото чужой внутренней политики. Жена вздохнула, налила мне воды в дежурный чайник, принесла чистую чашку и керамическую баночку с молочным улуном. Знает уже, что теперь, пока не закончу, я вне доступа. Разговаривать бесполезно, в глазах только кластерный анализ и диаметры графов.

Вынырнул уже за полночь. Что-то с чем-то провязалось, что-то нет, но, в целом, картинка есть. Кейс прикидочный, «для общего понимания», так что пока достаточно. Захотят

уточнений – их есть у меня. Не захотят – нашим легче. Жена уже тихо сопела в две дырочки, дочка, набегавшись за день, давно спала без задних ног – ну и мне пора. Вполз тихонько под одеяло, жена, не просыпаясь, обняла и уткнулась носом в плечо. Не, дорогая, хрен им всем. Мы прорвёмся.

Прорываться начал прямо с утра. Отправив жену на работу оформлять отпуск, начал создавать информационные паттерны, облегчая задачу потенциального мониторинщика, который будет работать по мне. Как работает бигдата не знает никто, но как работают мониторинщики я знаю во всех подробностях. И первым делом они посмотрят куда? – В соцмедиа-аккаунты. Они у меня, разумеется, есть.

Среди конспирологов всех мастей считается общим местом, что вести соцаккаунты – сдавать себя системе с потрохами. Так вот, это не так. Не вести соцаккаунт гораздо подозрительнее. Вообще, если хочешь, чтобы система считала тебя за пустое место – делай то, что делают все. Нельзя выбиваться из статистической нормы. Поэтому у меня, разумеется, были умеренно активные площадки в ФБ, ВК, «Твиттере» и «Инстаграме». Конечно, средний пользователь должен иметь ещё и аккаунт в «Одноклассниках», но с этой попойки меня уж слишком сильно тошнило. Ничего, лёгкие флюктуации в пределах нормального поля распределения – это даже хорошо. В ФБ и ВК я постил бытовые заметки, рассуждения о нравах современников, ценах и качестве товаров

и прочий ровный жизненный фон. Иногда дозировано добавлял политики, в нужный момент подхватывая самые расстиражированные глупости в духе «ах-ах, доколе» – совсем игнорировать это тоже ненормально. В конце концов, люди, придумывающие то, что обыватель считает политикой, тоже не зря стараются, надо уважать их тяжёлый труд.

В «Твиттер» – афоризмы и милых котиков, в «Инстаграм» – фото смешных вывесок, ребёнка и еды. То есть, тщательно поддерживаю среднюю по больнице температуру. При этом у меня, разумеется, в том же ФБ «рабочие» аккаунты, причём созданные через прокси в разных странах, но я тщательно слежу, чтобы никаких пересечений не возникало даже случайно. Не для того, чтобы обмануть систему – её не обманешь, – а для того, чтобы иметь нормальный социальный фон с точки зрения стороннего наблюдателя.

Зачем? Вот так сразу и не ответишь. До сего момента у меня, в общем, не было повода что-то скрывать. Пожалуй, дело в том, что, если ты знаешь, как работает система, то учитываешь это уже в фоновом режиме, оценивая каждый свой электронный след с учётом этого знания. Это, наверное, можно сравнить с кино. Можно изображать матроса, видя вокруг себя вместо моря зелёный фон для компьютерного рендеринга, но страдать при этом от морской болезни дано не всякому. Когда ты точно знаешь, почему и зачем созданы социальные сети, вести себя в них естественно уже не получается.

Впрочем, это отнюдь не мешает их при случае использовать. Вот и я закинул удочку – написал проникновенный пост на тему «как мы хотим дачу», про непереносимость перспектив ещё одного лета в душном городе и нашем стремлении немедленно облагодетельствовать собой комаров где-нибудь в окрестностях. Получил положенное количество лайков, полдесятка тупых комментов от тех, кто имеет мнение по любому поводу, полайкал ответно эти комменты, предсказуемо узнал, что дача отстой для даунов и пенсов, поаплодировал тем, кто поспешил зачем-то сообщить о своих планах на лето, отряхнул брызги презрения от тех, кто не согласен проводить лето в этой стране, а претендует не меньше, чем на Мальдивы, хотя едет почему-то в Турцию... Нейтрально поотвечал им – с кем-то пошутил, с кем-то поспорил... В общем, аккуратно имитировал активность, чтобы алгоритмы «Фейсбука» держали тему повыше в выдаче – пока её не увидит тот, ради кого она и создана.

Поскольку люди обычно вполне предсказуемы, то уже через час, который я провёл в тщательном гуглении таких запросов, как «дача в... области», «оформление дачных участков», «услуги кадастрового учёта» и так далее, я дождался нужного комментария: «Тю, так давай я тебе свою продам!» Это был именно тот человек, на реакцию которого я и рассчитывал. Конечно, я мог ему просто позвонить или стукнуться в мессенджер, это тоже зачтётся, но комментарий в теме – это наилучший вариант из всех возможных. Его мож-

но просто увидеть.

Один мой приятель как-то в угаре эскапизма и под влиянием родноверческой ереси купил дом в полумёртвой деревне. Отдавали его недорого, дом был относительно неплохой, порыв к природе был силён... Места для «подумать» в схеме не нашлось. Если там жить всегда – то чем заниматься? Если ездить как на дачу – далеко, неудобно и дорога грунтовая. А если зомби-апокалипсиса дожидаться, как приятель планировал, то быстро надоедает. Ему надоело за год, но он успел поправить крышу, сделать вместо колодца насосную скважину, переложить печку и развести коз. Коз потом пришлось отдать – резать у горожанина рука не поднялась, всё остальное осталось. Будущее «родовое имение» постепенно вернулось во мрак запустения и хаос заброшенности. С тех пор он мечтал от него избавиться на любых условиях, но желающих не находилось. Он просто не мог не предложить его мне, хотя бы в полушутку.

А я вдруг взял и согласился.

Не веря своему счастью, приятель развернул бурную деятельность. Сначала торговался как чёрт, но потом признал, что вернуть своё – уже хорошо. Париться формальностями он не хотел: «Да зачем тебе эти бумажки, бери ключи да заезжай», но мне был нужен договор и оформление через БТИ – это хороший, жирный, недвусмысленный след. И это основание для неплановых расходов, которые у меня, несомненно, будут. Вывести хороший кусок бюджета в нигде не учтён-

ную наличку – это бесценно. Тем более что приятель мой, убеждённый антигосударственник и криптоманьяк, карточками принципиально не пользовался. Я легко договорился с ним поставить в договоре купли-продажи сумму в два раза большую – объяснив заначкой от жены. Трижды разведённый приятель не мог упустить повод позлорадствовать на тему: «Ага, я говорил, что все они такие!» и охотно согласился прикрыть меня своей мужской солидарностью.

Теперь в мире электронных следов всё сходилось – я снял почти все невеликие накопления с резервной карты и отдал их за дачу. Поступок по-житейски глуповатый, но вполне в пределах бытовой нормы. На самом деле я отдал половину, остальное ушло в кэш, который точно пригодится.

Нормальный деревенский пятистенки, обшитый по срубу досками и крытый оцинковкой, уходящий вдаль заросший матёрым бурьяном огород, большой, обитый рубероидом, деревянный сарай, пяток одичалых старых яблонь, заросли вишни-самосейки. Всё это обнесено косым штакетником, обжито мышами, кротами и муравьями, и всё это теперь наше.

В деревеньке на два десятка домов заселены три – чета престарелых колхозников-пенсионеров, бодрый военный отставник возраста к 60-ти и одинокая бабка вида настолько замшелого, что вообще непонятно, чем жива ещё. Военный отставник гнал самогонку и изображал из себя фермера, но в основном, как и все тут, жил на пенсию. Он единственный

проявил какой-то интерес к тому, что дом, удачно стоящий на отшибе, обрёл нового хозяина, но, когда убедился, что я не интересуюсь регулярными поставками самогона, то разочарованно отстал.

Теперь мы вели странную жизнь. С утра я брал жену и дочку, ехал с ними в гипер, где закупал продукты, оттуда в гараж, там закидывал их к башне, а сам ехал на УАЗике на эту чёртову дачу, увозя в кармане телефон жены. С трудом кое-как очистив от пыли и мышинных говен веранду, садился там работать, вылавливая паршивенький триджи-интернет с поднятого на крышу роутера. Работать на ноутбуке и слабой сетке было неудобно, но, в принципе, возможно. Медиаконтент мне не нужен, а для данных пары мегабит хватает. Больше напрягал маленький экранчик вместо привычных трёх мониторов, ну да тут уж не до жиру. Больше ничего на даче не делал, только фотографировал виды с геотегами для «Инстаграма» – обозначал, так сказать, присутствие. Для электронного следа этого, по моим прикидкам, было достаточно. Увидеть, что в доме не сделано ничего, кроме помытых снаружи окон и веранды, не заходя в него невозможно, а заходить некому.

В результате семейство моё, наладившее в первом приближении быт в башне, выходило на моём фоне сущими курортниками, а я довольствовался их загоревшими физиономиями, ежевечерними рассказами и привкусом морской со-

ли на губах жены. С её слов, Криспи выучила слово «мяся», которым обозначала дочку, и ещё с десятков простых существительных. У остальных прогресс был почти нулевой. По большей части они требовали понукания для любого элементарного действия, и единственное, что вызывало у них подобие эмоций – это дочка, которая была в восторге от того, что у неё есть четыре не то взрослых, не то ребёнка, в любой момент готовых бросить всё ради игры с ней. Правда, она жаловалась, что играть с ними скучно, – ничего не понимают.

От идеи переодеть их в нормальную одежду жена пока отказалась – комбинезоны оказались восхитительно практичными. В них можно было ходить неделями без белья, не мыться и при этом не провонять бомжом. Правда, как отметила она с удивлением, все, кроме Криспи, практически не пользовались туалетом. Она сначала решила, что они не могут сообразить, как пользоваться биотуалетом и справляют свои дела где-то на улице, но проследив специально, убедилась, что нет – периодичность выделительных процессов действительно ненормально низка, почти нулевая. Она заинтересовалась феноменом и вскоре выявила устойчивую корреляцию – если она заставляла наших питомцев есть нормальную человеческую еду – функционирование выделительных систем активизировалось. Если же они возвращались к питанию своим комбикормом – то и гадить прекращали. Похоже, это питание усваивалось организмом полностью. По словам жены, они даже в дополнительной жидкости

не нуждались, видимо достаточно было связанной в геле воды. Цилиндрической тубы хватало на сутки, потом они начинали вяло беспокоиться.

Жена, впрочем, решительно начала их прикармливать с нашего стола, заявив: «лучше пусть постепенно привыкают, а то что мы будем делать, когда корм кончится?». Я не стал спорить, хотя меня как раз вполне устраивало, что они хотя бы не гадят. По крайней мере, пока мы не организуем хоть какой-то туалет, путь даже сортир типа «дырка» во дворе.

Питомцы без возражений лопали, что дают, а вот Криспи принципиально ела только нормальную еду. Однажды, вернувшись с моря, жена обнаружила, что ее ярко-красный спортивный костюм сменил владельца – девушка скинула серый комбинезон и презрительно затолкала его в угол, и теперь красовалась в обновке. Жена повздыхала, но не стала отбирать, наоборот, купила ей нижнее белье в размер и отдала старые кеды. Наша «первая среди убогих» сразу стала похожа на человека – почти нормальная девушка, только заторможенная. Я с ней почти не виделся – был чертовски занят.

Где-то за неделю разгрёб основные дела и натоптал достаточный, на мой взгляд, информационный след по паттерну «ура, у нас дача!» Боюсь, подписчикам моих соцаккаунтов эти дачные восторги с фотками шмелей и цветочков успели поднадоесть, ну да оно и к лучшему. Ну и для бигдаты, насколько я её понимаю, должно уже было хватить. Откровен-

но говоря, я вымотался как никогда. Существовать дальше в таком двойном режиме было слишком сложно, и у меня была идея, как это исправить – но для этого мне нужно было найти Андрея.

Мысль перепривязать проход из гаражей на дачу просто напрашивалась. Возле дома был сарайчик, который использовался первоначальными владельцами участка как гараж, да и я, приезжая, всегда загонял туда УАЗик, надеясь, как бы смешно это ни звучало, разбудить в нём настоящую гаражную магию. Каждый раз я припадал к задней стене сарая, гладил её руками, сосредотачивался, напрягался, расслаблялся, медитировал... Увы, как я не корячился – ни черта не получалось. Пару раз было ощущение, что вот-вот... Но нет, открыть проход я так и не сумел. А вот Андрей наверняка смог бы. Это ж насколько облегчилась бы моя участь!

Теперь, позаботившись о первоначальной информационной подготовке, я мог посвятить некоторое время решению этой проблемы изнутри. Андрей должен был находиться где-то в мире с башней, причём относительно недалеко, в пределах автомобильного перегона – ведь он собирался пару недель вести какие-то раскопки или поиски, или чем он там обычно занимается. Я знал только направление, в котором он уехал, но исходил из того, что путать следы и маскироваться в пустом мире ему незачем. Да и вообще – если он нашёл эту башню, просто на неё наткнувшись, значит, она, скорее всего, недалеко от мест его интереса. В этом были неко-

торые натяжки, но я готов был попробовать. В любом случае, разведать окрестности будет полезно. Может, хоть источник воды какой найду, всё ближе, чем из другого мира возить.

Но сначала – долгожданное вскрытие второго крыла здания. Как-то глупо жить, не зная, что у тебя за дверью, да? Может, там невесть какие сокровища... ну или хотя бы лестница на второй этаж.

По проверенной технологии выдавил засов вверх домкратом, приналёг – и дверь легко открылась в большое светлое помещение. Во втором крыле пол был цел, и всё помещение представляло собой большой зал, в котором было нечто вроде столярной мастерской. Пара больших то ли верстаков, то ли стapeлей с дистанционными зажимами, над которыми располагалась скользящая система реек. Больше всего это было похоже то ли на горизонтальный кульман, то ли на большой плоттер с ручным приводом. Если в эту систему реек закрепить... ну, не знаю... какое-то чертило-рисовало, то им можно будет проводить чёткие прямые линии в двух плоскостях. А если закрепить нож, то можно и раскраивать, наверное... Что-то мягкое, типа пенопласта – потому что большое усилие к такой конструкции не приложишь. Сделано всё было очень аккуратно, но кустарно. Самопальная конструкция, не заводская, скорее всего, на этом месте и собранная – по габаритам в дверь не пролезет. Основание из толстого бруса, ровные разнокалиберные обрезки которого были сложены вокруг аккуратным штабелем, зато столеш-

ница – из полированного чёрного камня. Кажется, я знаю, куда делся пол из левого крыла... Его местный Папа Карло на древесину перевёл.

А вот чего тут не было – так это лестницы на второй этаж. Скаты треугольной крыши по монструозным стропилам на всю площадь помещения и... – никаких идей, как попасть наверх башни. Ладно, опять откладываем. Не знаю, что там за потолком, но с него пока не каплет, значит решаем более срочные задачи. Но как же туда попадали аборигены? Загада...

На очереди был следующий эксперимент, на который я возлагал большие надежды. До сих пор я, открыв проход между срезами, всегда закрывал его за собой. На этот раз решил провести пару любопытных опытов. Открыв проход, я перешёл в гараж, где было темно и пусто, и оставил бархатно-пыльную тьму клубиться в проёме. За это время я как-то успел к ней привыкнуть и не испытывал никакого особого дискомфорта от зрелища. Итак, опыт номер один – беру бухточку паракорда, привязываю один конец к старому колёсному диску, прохожу в сторону башни, разматывая клубок. Итог – я на другой стороне, зелёный тросик натянут, уходя в клубы тьмы. Выглядит диковато, но я не удивлен – УАЗик-то тоже имеет приличную линейную протяжённость и при проезде не рвётся, пребывая в какой-то момент в двух мирах сразу. Потянув за паракорд, вытащил диск на эту сторону. Ага, значит так можно. Будем считать, что это опыт

номер полтора. А опыт номер два сейчас будет.

Включив в гараже в розетку переноску, вышел к морю с лампочкой – как Данко с горящим сердцем в руках. Да, она горела! Я логически понимал, что это и должно быть так – ведь при проезде машины в проход задние габариты у неё не гасли, но убедиться в этом дорогого стоило!

Опыт номер три: пройдя в гараж, включил там старый, советский ещё карманный УКВ-приёмник на батарейках, настроил его на местное музыкальное радио – и так и прошёл обратно под унылые аккорды какой-то немудрёной попсы. За порогом сигнал резко упал в мощности, но не пропал совсем. Слабенький приёмничек что-то ещё ловил метрах в трёх от прохода, дальше уже всё – шорох пустого эфира. Но это неважно, всё равно перспективы открывались самые радужные! Ух я теперь развернусь!

Чтобы сбить эйфорию, перешёл к финальному опыту. Переноску пожалел, вернувшись к паракорду – привязал, перешёл – да и закрыл проход. Увы, чуда не случилось – я предсказуемо имел идеально ровно обрезанный обрывок шнура в руке. Прислонённый вплотную к каменной стене на месте прохода приёмник тоже ничего не поймал. Но и так тоже неплохо!

Раскрыв проход, кинул из гаража в сторону башни подключённый удлинитель, в него воткнул переноску, закрепил горящую лампочку на крыше каменного сарая – да будет свет! Посмотрим, как долго эта дверь может держаться от-

крытой.

В этот день мы с женой впервые заночевали в башне – жарили мясо на мангале, а потом, уложив Мелкую, пили вино на берегу, слушая прибой и глядя на закат. Занимались любовью на брошенном в песок покрывале в брызгах волны, купались в темноте, хотя вода ещё была холодновата, а потом пошли спать – кинув очередную надувную кровать на пол в правом крыле. Лучший день в моей жизни, наверное.

Глава 5

«...Достратегическая мощность предполагает нанесение удара с использованием одной или нескольких ядерных боеголовок как средство демонстрации решимости и политической воли...»

– Держи, держи!

– Держу, блд, держу!

– Да хули ты держишь! Тащи его, тащи!

– Факин шит, омайгот!

– Да вытаскивайте его уже, она закрывается!

Висящий на верёвке Карлос, кажется, переживал меньше всех, хотя раскачивался над провалом без видимого дна, а плита, вдруг ушедшая у него из-под ног, теперь медленно возвращалась обратно, грозя закрыться. Я шёл в связке следующим и теперь изо всех сил упирался ногами в гладкий камень наклонного коридора, стараясь не сползти туда же. Воистину факиншит, тут я с Джоном совершенно согласен. Карлос невозмутимо вращался на конце закреплённого на поясе троса, бережно прижимая к себе винтовку, с которой не расставался даже в этих проклятых подземельях. Ну в кого, скажите на милость, тут стрелять, а? По мне, так тут лет тыщу никого не было – хотя Андрей, кажется, и надеялся на другое.

Верёвка была тонковата, врезалась в ладони, и один бы я

Карлоса ни за что не вытащил – даром, что он килограмм на двадцать меня легче. Но наш здоровенный баскетбольный негрила Джон ловко ухватил меня за монтажный пояс, который был на мне вместо нормального страховочного, и потащил от провала, а Пётр и Андрей, подскочив, ухватились за верёвку и дёрнули. Ловкий Карлос ухитрился упереться ногой в край и рывок выдернул его из-под закрывающейся плиты, сразу же поставив на ноги.

– Индиана, мать его, Джонс... – прокомментировал я, отдышавшись. – Это у вас всегда так?

– Нет, – ответил Андрей, – не всегда. Но бывает. Местные были буквально повёрнуты на тайниках и ловушках.

Найти экспедицию оказалось проще некуда – предусмотрительно купив простенькую автомобильную радиостанцию, я просто включил её на том же канале, на котором связывался во время памятной поездки к рейдерам и поехал в том направлении, куда уехал с берега «Патр». Где-то в километре обнаружил небольшую речушку, ещё хранившую на мягких берегах следы покрышек «гудрич мудтеррайн», а преодолев неглубокий брод, через пару километров услышал переговоры группы с оставшимся в лагере Саргоном. Оpozнавшись как «Зелёный», получил приглашение присоединяться к веселю. Вот, теперь оно было в самом разгаре.

Саргон валялся в лагере не просто так, а по ранению – распорол в нескольких местах ногу, нагнувшись в ловушку, вроде той, из которой мы сейчас вытащили Карлоса. Только

более мелкую и с острыми штырями внизу. Только после этого до них дошло, что было бы неплохо страховать, но обвязку, по распиздяйству своему, соорудили из чего попало. По-хорошему, им бы выехать в наш мир, купить нормальной альпинистской снаряги – хороших тросов, карабинов, обвязок... Но нет, Андреем овладел дурной азарт, ему казалось, что он вот-вот найдёт то, что он там ищет. Так что даже предложение отвезти Саргона к нам в башню, чтобы моя жена его нормально перевязала, он проигнорировал: «Потом, потом, мы уже близко!»

По словам Петра, наиболее разговорчивого в их компании, в состоянии «вот-вот, уже» экспедиция пребывала вторую неделю. За это время они обшарили два «оплота» – так, оказывается, назывались местные капитальные сооружения, – и вот сейчас шерстили третий, самый большой. Это здоровенное строение было не просто сложено из огромных, плотно подогнанных камней, как моя башня, оно буквально переходило в огромный скальный монолит, сливаясь с ним в один мрачноватый, но величественный комплекс, по виду способный пережить ядерный взрыв. Жаль, что я совершенно не умею рисовать – зрелище было достойно кисти художника. Гладкий цилиндр выпирающей вперёд каменной башни переходил в растущие от неё уступами вверх толстые стены, на верху которых свободно разъехались бы две легковушки. Эти стены, в свою очередь, как бы вливались в природный скальный массив, так гладко, что трудно

было понять, где кончается кладка и начинается природа. Все это было построено из тёмного камня и выглядело столь подавляюще, что я немедленно назвал сооружение Чёрной Цитаделью. Подходящее местечко для главного антигероя какого-нибудь фэнтези. Этакое супернекроманта, Чёрного Властелина, который творит тут свои чёрные дела, выращивая чёрным колдунством в чёрных подвалах армии Тьмы...

Впрочем, что бы тут на самом деле ни творилось, оно было глубоко в прошлом. Оплоты были заброшены так давно, что никто уже и не знал, когда именно, и уж тем более не понимал – почему. Если бы не патологическое стремление аборигенов строить всё из прочнейшего камня с толщиной стены в несколько метров и могучей древесины целыми стволами, то тут давно были бы унылые руины. Египтяне со своими пирамидами против местных – дети с куличиками из песка.

На моё вполне понятное любопытство Андрей только плечами пожал:

– Я не археолог и не историк, я понятия не имею, почему они так строили. Может, воевали много, а может, им так нравилось.

– Не, вряд ли воевали, – вмешался словоохотливый Пётр. – Сколько мы видели этих оплотов, ни один не разрушен, все брошены целыми. Может, и правда исход...

– Какой исход? – вскинулся я. По понятным причинам меня интересовали любые сведения об этом срезе.

– Ну, собрались все и ушли куда-то. Тут многие копались, но никаких признаков массовой гибели аборигенов нет, и не осталось никаких вещей. Оплоты пусты, очищены до голых стен. Даже черепка от посуды не найдёшь. Окна и то вынуты. А вот куда ушли – на этот счёт есть несколько идей...

– И все бредовые, – раздражённо перебил Андрей. – Под ноги смотри, сказочник. Тут наверняка ловушек ещё до чёрта.

– Не скажи... – не унимался Пётр. – Многие говорят, что Русскую Коммуну именно они технологиями подогрели...

– Заткнись уже, а? – рассердился Андрей. – Что за привычка говорить, когда мозг отдыхает?

Мне стало мучительно любопытно, что за Русская Коммуна такая. Андрей и раньше проговаривался, что среди проводников, исследователей, контрабандистов, наёмников и прочего немногочисленного, но ушлого сообщества посвящённых русский был общепринятым языком общения. Нет ли тут связи? Но я решил пока не лезть с вопросами. Подожду момента.

Открытые помещения Чёрной Цитадели мы обошли за полдня – она была огромна, но совершенно пуста и просматривалась насквозь. Как и в моей башне, разделением внутренних площадей на отсеки местные не заморачивались – огромные залы размером с футбольное поле, деревянные полы из распущенных вдоль вековых стволов, потемневшие там, где их заливало дождями из незастекленных окон, но

без малейших следов гнили. Эти ребята, похоже, собирались жить вечно, но что-то пошло не так.

Галерея залов уходила прямо вглубь скалы и вместо кладки местами шёл монолит, отличавшийся только большей однородностью, но не цветом и фактурой. Такое ощущение, что, вырубая в скале коридор, камень отправляли на стены. Безотходное производство. Украшательством аборигены не страдали – стены были гладкие, тёмные, пустые. Окон в скальной части не было, стало темно, но Андрей искал что-то на стене, совершил какие-то манипуляции, чем-то лязгнул, налёг на угол – и там открылась небольшая ниша. В ней, сквозь сделанные прямо в скале прорези торчали массивные металлические рычаги. Пять рычагов, опущенных вниз. Андрей попытался поднять один, не преуспел и кивнул Петру:

– Захрусло, давай ты.

Пётр, ничуть не удивившись, подошёл, взялся обеими руками, чуть присел и, с хэканьем, как штангист, выдавил вверх первый рычаг. В стене что-то скрипнуло, сдвинулось и врезанные в монолитную стену тёмные квадратные камни, выделявшиеся до сих пор только своей правильной формой, вдруг засветились неярким светом. Второй рычаг, третий... В уходящих в тёмную глубину залах разгорались ряды огней. Пятый поднялся на треть и встал.

– Заслонку световода наверху придавило, может камень какой скатился... – пожаловался, отдуваясь, Пётр. – Отсюда

не открою.

– Чёрт с ним, и так сойдёт, – нетерпеливо сказал Андрей. – Пошли уже, он должен быть здесь!

Приотстав от Андрея, я придержал за рукав Петра и спросил тихо:

– Кто он-то?

– Да, долгая история, – отмахнулся тот. – Ищет Андрюха наш одного перца. Давно уже. А тот, как назло, где-то в этом срезе отшельничал, а где именно – поди найди.

– Так это ж целая планета, как его найдёшь?

– Ну, был бы он обычным бродягой – давно б нашли, есть способы... – туманно ответил Пётр. – Но это такой матёрый перец, что боже мой.

– Так может, он свалил давно? – спросил я.

– Не, тут он, теперь уж точно. Мы его машину вчера в лесу нашли. Рядом три оплота, этот последний.

– Личное или бизнес? Не начнёт он по нам стрелять, к примеру?

– Не, – засмеялся Пётр, – Андрюха не его самого ищет, а штуку одну, которая при нём должна быть. Только не спрашивай, что за штука, и зачем она. Я понятия не имею.

– А ну, тихо там! – Андрей явно нервничал. – Отвлекаете!

На мой взгляд, отвлекать его было особо не от чего – главный коридор подземной цитадели, порадовавший нас ловушкой, вскоре просто закончился тупиком. Но Андрея это, похоже, ничуть не смущало – он осматривал стены в свете

яркого фонаря.

– Ищите все, чего встали? – сердился он. – Темнеет уже!

Карлос, Пётр и Джон послушно включили фонари, компенсируя тускнеющий свет встроенных в стены светильников. Те всё больше отливали красным – видимо снаружи разгорался закат. Экспедиция дружно уткнулась носами в стены, водя по ним лучами, один я стоял посредине коридора, как дурак.

– Э... А что ищем-то? – рискнул поинтересоваться я.

– Скважину ищем, – откликнулся Пётр. – Андрюх, покажи ему!

Андрей раздражённо вздохнул, но повернулся и показал мне квадратную металлическую пластину размером в пару ладоней. В профиле она была изогнута двумя неровными зигзагами, один конец загнут, а второй оканчивался рядом прямоугольных выступов разной длины.

– Вот, смотри, – Андрей показал мне пластину с торца. – Это здешний мастер-ключ. Ищи щель вот такого профиля. Она может быть в кладке между камнями, или в монолите, или на стыке стены с полом... да где угодно может быть!

– Ага, – подтвердил Пётр. – Местные те ещё затейники были.

Я включил свой карманный фонарик и тоже начал обшаривать стены, стараясь светить на них под острым углом, чтобы выделить фактуру. Однако нашёл скважину Карлос.

– Андираос, ге! – сказал он тихо, назвав Андрея полным

именем.

Щель оказалась в полу перед самой стеной. Андрей встал в неё пластину, она вошла наполовину и упёрлась. Он с видимым усилием нажал, что-то щёлкнуло и ключ ушёл в пол до конца.

– Толкайте, что встали?

Джон с Петром налегли на стену тупика, прямоугольный фрагмент стены ушёл внутрь, а ключ со звонким щелчком выскочил обратно. Даже если б я знал, что тут дверь – ни за что бы не нашёл. Щели между камнями кладки не было вовсе, прилежала она как притёртая пробка в бутылке.

– Видал? – прокомментировал Пётр. – Чёрт знает сколько лет прошло, а всё работает!

Он выглядел таким гордым, как будто сам эту дверь сделал.

– Он здесь проходил! – напряжённым голосом сказал Андрей, изучавший в свете фонаря следы, оставленные дверью в пыли уходящего вниз наклонного коридора. – Эту дверь открывали до нас!

Я ничего такого не замечал, но, наверное, ему виднее. Видимо, это означало, что мы на верном пути – чего бы они там не искали. Я-то тут так, за компанию больше.

В коридоре уже совсем слабо светились малиновыми оттенками заката окна световодов, поэтому дальше шли с фонарями. Андрею явно не терпелось, но шли небыстро, в связке. Первым двигался Карлос, внимательно осматривающий

полы и стены – ждали ловушек. Я от этого изрядно нервничал – ладно, если опять в полу дырка откроется, а вдруг сверху чем-нибудь накроет? Чёрта нам тогда с тех верёвок...

Однако обошлось – к следующей двери дошли без приключений. К этому времени световоды потухли окончательно, и мне уже казалось, что мы приближаемся к центру планеты – оценить пройденное в темноте по наклонному коридору расстояние было невозможно. Дверь оказалась открыта, что почему-то вызвало у Андрея параноидальную реакцию – он буквально обнюхал проём и окружающие стены, но, кажется, ничего подозрительного не нашёл.

За дверью оказалась лестница, на этот раз, для разнообразия, вверх. Узкая и крутая, она шла с загибом, как будто по большой спирали. На вид, ступени были вырублены в массиве скалы, так же как сам коридор, и потом зачем-то отполированы. Вскоре я проклял свою сидячую работу и недостаток мотивации к тренировкам – вверх по лестнице, это вам не вниз по коридору. Ноги буквально отваливались и в глазах плыли круги, но эти лоси так и пёрли бодрячком, а я, между прочим, был с ними связан верёвкой. Если бы существовал Чемпионат Мира по подъёму по лестницам, они, наверное, взяли бы первый приз, а я бы и в одну шестнадцатую финала не попал. Да меня бы даже в параолимпийскую сборную не взяли! К счастью, когда я уже готов был позорно капитулировать, лестница кончилась небольшой площадкой и дверью. Пока искали щель для ключа, я только беспомощ-

но сидел на холодном камне, разглядывая красивые круги перед глазами, и пытался отдышаться. Получалось не очень. Более впечатлительный человек в этот момент пообещал бы себе, что впредь будет делать гимнастику, ходить в тренажёрный зал, питаться овощами и бегать по утрам, но я не настолько слабovolен. Моё отвращение к бесцельной трате времени и физических ресурсов осталось непоколебимым. В конце концов, я не курю. Как по мне – это уже достаточная уступка здоровому образу жизни...

За дверью оказалась круглая комната без окон – первое за всё это время не вполне пустое помещение. Из её стен выступали половинки металлических цилиндров, диаметром этак метра по два каждый. Они закрывали собой стены с небольшими промежутками – как будто находишься внутри пустотелого револьверного барабана. Самый толстый цилиндр стоял точно в середине – как того барабана ось.

– Твою маааать... – протянул Пётр восхищённо. – Арсенал! Живой настоящий арсенал Ушедших! Да я вообще не верил, что они бывают!

– Ви хэппи? – поинтересовался Джон.

– Риали хэппи, брателло! – хлопнул его по плечу Пётр. – Ви а, блядь, зэ чемпионс!

– Уймитесь, чемпионы, – с досадой сказал Андрей. – Вы что, не видите – он вскрытый.

Воцарилось разочарованное молчание. Карлос подошёл к одному из цилиндров и показал фонарём на приоткрытую

боковину. Внутри были нарезанные по секторам, как апельсинные дольки, полки, ниши и крепления для какого-то оборудования. Пустые.

Пётр с Джоном пошли вдоль стен, сдвигая металлические двери – те уезжали в стену, открывая ту же самую картину – пустые полки.

– Это самый крутой облом в моей жизни, – уныло сказал в конце концов Пётр. – Я уже представил себя самым богатым перцем в обитаемом Мультиверсуме...

– Да что тут такого ценного могло быть? – удивился я. – У них же, судя по всему, какие-то средние века... Крепости, камень...

– А, что б ты понимал! – возмутился Пётр. – У них такие технологии энергия-материя были, посейчас никто и близко не подошёл. Говорят, они чуть ли не сами миры строили, из кусков разных срезов собирая. Даже Коммуна против них так, жалкие любители. Да любой артефакт Ушедших – это даже не представить себе, сколько бабла! А что они жили в таком убожестве – да чёрт их поймёт. Нравилось им, наверное.

Он помолчал и добавил грустно:

– Только хрен теперь, чего найдёшь. Тут всё, что сами Ушедшие не забрали, наглушняк зачищено за столько-то лет... Да сам видишь. Эх, а я уже губы раскатал...

– Так, порадовались, поплакали – и хватит! – сказал громко Андрей. – Не жили красиво и нефиг начинать. Не за этим

сюда шли.

– Тебе хорошо рассуждать... – буркнул вполголоса Пётр, но развивать тему не стал.

– Ищем скважину, она должна быть где-то между капсул!

Все разошлись с фонарями разглядывать стены, а я наконец отдышался после подъёма и отметил в себе какое-то странное ощущение. Как будто холодный сквознячок такой в солнечном сплетении, лёгкий-лёгкий, но отчётливый. Я пошёл по кругу вдоль стены и встал там, где он казался сильнее всего.

– Чувствуешь? – неожиданно сказал за плечом незаметно подошедший Андрей.

– Что-то чувствую, да... – неуверенно ответил я.

Андрей покивал понимающе:

– Я ж тебе говорил, если способность есть, то организм подстраивается. Вот, уже проходы чувствуешь.

На этот раз щель характерной формы заметил я. Андрей вставил туда пластину, нажал до щелчка, но дверь в стене не проявилась. Вместо этого с серией тихих лязгающих звуков задвигались полки в центральном цилиндре. Сложившись и сдвинувшись, они сформировали лёгкую металлическую винтовую лестницу вверх, где вместо куполообразного свода открылся тёмный проход.

– Не, ну они реально криптоманьяки были, Ушельцы эти! – прокомментировал Пётр. – Ни одного прохода в простоте не сделают!

Андрей поднялся первым, я за ним. Наверху оказалось неожиданно крошечное помещение – я уже привык, что у аборигенов всё огромное.

– Эй ты что делаешь? Прекрати! – послышалось вдруг снизу. – Ты чего, офигел, алё!

– Но, фак, фак, но! Шит!

Послышалась возня, звуки ударов, потом звонкий щелчок – и отверстие, через которое мы влезли, закрылось. Потом вроде бы грохнули приглушённо несколько выстрелов и всё стихло.

Я пнул отозвавшуюся безнадёжно глухим звуком металлическую заслонку на месте прохода и посмотрел на Андрея. В свете фонаря его лицо было не менее растерянным, чем моё.

– Это что сейчас было? – спросил я тупо.

– У нас проблема, – констатировал очевидное Андрей.

Но я, в общем, и сам уже догадался. Навскидку я б даже сказал, что нам пиздец.

Мы находились в круглом помещении диаметром метра два с половиной, в центре которого был закрывшийся наглухо толстый железный люк. Собственно, этим наше положение описывалось совершенно исчерпывающе. Учитывая местные традиции архитектуры, можно не сомневаться, что стены сложены достаточно надёжно, чтобы их не сломали не только мы, но и центнер тротила. Потолок монолитный из камня, на высоте метров четырёх, люк заподлицо с по-

лом, металл неизвестный, но твёрдый и толстый. Если нас кто-нибудь не откроет снаружи, то мы умрём тут от жажды дня через четыре. Довольно мучительная смерть, говорят. Вскоре фонари погаснут, станет ещё и темно, так что я решил, прежде чем предаться вполне оправданному отчаянию, осмотреть всё детально. В конце концов, не исключено, что это место станет моей могилой, и кости пролежат тут все те тысячелетия, которые суждено простоять этим стенам. И даже если какие-то отдалённые потомки нынешних мародёров найдут их в руинах Чёрной Цитадели, то никто никогда не узнает, какого чёрта мы тут сдохли, и какая падла нас тут заперла.

Обшарив все доступные поверхности, нашёл невысоко над полом характерную щель. Показал её Андрею. Тот пожал плечами – запасного ключа у него не было. Я без особой надежды потыкал в отверстие лезвием складного ножа, но, кажется, не достал даже до механизма.

– Ты знаешь, как трудно было найти тот мастер-ключ и во что он мне обошёлся? – прокомментировал мои потуги Андрей. – Если б здешние замки можно было открыть отмычкой, тут был бы проходной двор...

– Мне форма той пластины не показалась слишком сложной, – удивился я. – Я бы такую молотком и напильником за пару часов скопировал...

– Это только так кажется. Многие пробовали открывать точнейшими копиями – ни разу не получилось. Работает

только оригинал, а их осталось всего несколько штук в частных коллекциях. Они практически неуничтожимы, фантастически прочный материал, но годы идут, ключи теряются... Сейчас это неуникальный, но ценный артефакт.

– Достаточно ценный, чтобы угробить свою команду и сбежать с ним? – затронул я неприятную тему.

– Нет, – поморщился Андрей, – недостаточно. Если бы дело было только в ключе, его было бы проще стащить в лагере, я его и не прятал особо. Кроме того, ценность его скорее, коллекционная, чем практическая.

– Это как?

– Он открывает большинство дверей и проходов, но если ты не ищешь что-то конкретное, то зачем их открывать? Раньше таких ключей было больше, Ушедшие оставили их достаточно, и всё ценное из оплотов выгребли ещё до моего рождения. В этом срезе давно уже нечего искать, а значит и ключ никому не нужен.

– Но... зачем тогда?

– Понятия не имею, – мы выключили фонари, экономя батареи, но я по шороху куртки догадался, что Андрей пожал плечами. – Я вообще не мог предположить предательство в своей команде. Мы много лет вместе. Кроме того, никто из них не имеет способностей проводника, и без меня обречён остаться в срезе навсегда.

– Да, непонятно... А то, что ты тут ищешь? Может, в нём дело?

– Да, это очень ценные вещи, и если бы я их нашёл, то ходил бы с оглядкой. Но я их не нашёл, а значит, убивать меня бессмысленно. Кроме того, как я думал, никто не знает, что именно я ищу. Хотя, как теперь понимаю, скорее всего, я ошибался.

– Насколько ценные?

– Достаточно, чтобы подкупить Карлоса, как выяснилось. Хотя считается, что горцы неподкупны.

– Именно подкупить?

– Скорее всего, – Андрей ответил нейтральным тоном, но я чувствовал, что ему очень неприятно об этом говорить. – Шантажировать его, насколько я знаю, нечем, а для него самого эти предметы бессмысленны.

Даже перспектива мумифицироваться от жажды в тёмном каменном мешке, как выяснилось, не избавляет от любопытства.

– Может, всё-таки скажешь, что это?

– Почему нет? – ответил Андрей. – Если кто-то подкупил Карлоса, то это не такая уж и тайна. Я ищу Пустотный Комплект.

Андрей отчётливо произнёс это с большой буквы, но мне, разумеется, название ни о чём не говорило. Он, впрочем, это и сам понял.

– Пустотный, холодный, изнаночный... Кто как называет. Комплект снаряжения, позволяющий ходить через холод, изнанку, пустоту – и так далее.

– И что же такое пустота, она же изнанка, она же... что там ещё?

– Ну, как тебе объяснить... Вот мы, проводники – и ты теперь тоже, – можем ходить между срезами, так?

– Ну, так.

– Но мы ходим через кросс-локусы. То, что ты называешь «гаражной магией», как раз и есть кросс-локус – общее родство гаражей, как объектов своего рода привязанностей... В срез, где нет ни одного гаража или хотя б каретного сарая, через гаражный кросс-локус не попадёшь... Ну и вообще у проводников куча ограничений и мы крутимся в результате среди относительно небольшого набора срезов, из которых живых совсем немного, а полезных – и того меньше. Всё больше брошенка всякая, как здесь.

– А комплект?... – начал догадываться я.

– Да, даёт возможность – ну, теоретически, – попадать в те срезы, которые для проводников по разным причинам закрыты. Например, в Коммуну.

Я поёрзал в темноте, пытаюсь устроиться поудобнее – камень был удручающе твёрдым и тянул из тела тепло.

– Они самые крутые и всеми рулят? Как это вообще возможно в бесконечном множестве миров?

– Нет, конечно. Никто никем не рулит. Но они... Как бы это сказать... задают стандарт. Считается, что они старая община, некогда унаследовавшая технологии Ушедших. На самом деле это не совсем так, но традиции...

– Слушай, – заинтересовался я, – вот ты торговец, так?
– В числе прочего, – уклончиво подтвердил Андрей
– Но ведь валюта одного среза бесполезна в другом?
– Расчётные средства самые разные. Кому-то удобны драг-металлы, кто-то предпочитает валюты популярных срезов. Есть довольно прозрачный обмен популярных товаров – топливо, еда, патроны, машины... Но единственный держатель и эмитент нашего аналога «золотого эквивалента» – тоже Коммуна. Они единственные заряжают акки, на которые завязаны все обменные курсы.

– «Акки»? – удивился я.

– Так их называют. Универсальные элементы питания. Вот, к примеру, винтовка Карлоса – это изделие Коммуны. Редкое и дорогое оружие, но его можно найти, купить или украсть. А вот без акков оно работать не будет, и их можно получить только в Коммуне. Причём строго на обмен – сдав отработанный. Вот, посмотри.

Андрей зажёл фонарик и в его свете вытащил из внутреннего кармана куртки небольшой цилиндр. Внешне он походил на старинный предохранитель для высоковольтных электроштыков – когда два стальных колпачка надеты на концы эбонитового стержня. Однако качество исполнения было несравнимым – идеально гладкий, без каких-либо переходов между зеркально-металлическими концами и чёрно-дымчатой матовой серединой. Я взял его и положил на ладонь, чуть не уронив – он был неожиданно тяжёл для своих

габаритов, как будто сделан из золота. Толщиной в два пальца, длиной чуть меньше ладони, он весил, наверное, пару килограмм или около того. Чёрный изолятор на ощупь ничуть не походил на эбонит, а был неприятно скользкий и как бы без температуры – ни тёплый, ни холодный. Мне это сразу напомнило статуэтки, с которыми однажды ночью прибежал ко мне в гараж Йози, и вокруг которых так много всего крутилось. В свете фонаря он как бы слегка переливался чёрной бархатной мглой. Мне сразу стало неприятно – страху я тогда натерпелся, до сих пор вспоминать не хочется.

– Видишь, – сказал Андрей, – он чёрный и тяжёлый, значит полный. По мере расходования он становится светлей и легче. Пустой акк будет полупрозрачный, как матовое стекло и совсем лёгкий. Как их зарядить – никто не знает. Многие пробовали, думая, что это просто аккумулятор такой ёмкий – отсюда и название. Подбирали напряжение, извращались по-разному... нет, не работает. Только в Коммуну на обмен сдавать. А вот использовать – запросто. Можно из моего фонарика выкинуть обычные батарейки и вставить акк. А можно из машины вынуть аккумулятор и заменить на него...

– Подожди, – удивился я, – так какое напряжение у него на клеммах?

– Никакого.

Андрей забрал у меня цилиндрик, погасил свет, и мы снова сидели в темноте.

– Но как же...

– А вот так. Если вольтметр приложить к торцам – покажет ноль. А подключишь нагрузку – подстроится под неё. Хоть часы от него запитай, хоть троллейбус. Не спрашивай меня, как, – никто не знает. Ну, кроме Коммуны, наверное. Да и то, ходят слухи, что они их не делают, а просто нашли и научились как-то заряжать. Вот зарядка – точно их секрет, а сами акки – не факт.

– А если накоротко замкнуть? – немедленно осенила меня разрушительная идея.

– А ничего не будет. Не ты один такой умный. Пробовали уже.

– Жаль, – покачал в темноте головой я. – Если бы он взрывался, можно было бы взорвать люк...

– Не говори ерунды, – засмеялся невесело Андрей. – В замкнутом объёме взрыв, достаточный, чтобы вышибить люк, первым делом размажет нас по стенам ровным слоем. А в акке столько энергии, что даже здешние стены, боюсь, не выдержали бы...

– Так много? – удивился я. Мне несолидный размер цилиндрика не внушил серьёзного отношения.

– Возле нашего лагеря в лесу стоит машина. Полноприводный электромобиль повышенной проходимости. Он принадлежит тому, кого я разыскиваю. Так вот – машина сделана под питание от акка. И на одном акке она может ездить... Даже не знаю сколько. Но много. Тысячи и тысячи километров.

– Ничего себе! – поразился я. – Так почему тогда все на них не ездят?

– Цена кусается. На нашем «Патре» за те же деньги можно жечь бензин годами.

– И какой эквивалент, примерно? Ну, чтоб понять соотношение цен... На сколько тонн 92-го можно обменять на такой акк?

– Ну... Примерно на один средний НПЗ с собственной нефтяной скважиной.

Я замолк, пытаюсь осмыслить цену, но не смог вообразить себе столько денег. Столько не бывает.

Мы сидели и молчали в темноте. Я пытался заснуть, но то проваливался в дремоту, то вздрагивал и просыпался. Камень не стал ни теплее, ни мягче. Кроме того, кажется, стало душновато. Мне подумалось, что, возможно, нас ждёт не долгая смерть от жажды, а быстрая от удушья – с местных перфекционистов вполне станется подогнать двери до полной герметичности. Единственная радость – на стене стали наливаться розовым два квадратных камня. Значит, и в эту комнату доходят световоды, а на улице уже начинается утро. По крайней мере, не во мраке помрём.

Мне почему-то не было страшно, но зверски глодала досада, что я не отправил жену и дочку на ту сторону. Ведь единственные два проводника в этом срезе сидят тут, а значит, им не выбраться. Я бы этого Карлоса за такую подставу загрыз, наверное.

– Утро уже... – нейтрально сказал Андрей. Надо же, я думал, он спит.

– Утро... – подтвердил я, чтобы что-нибудь сказать.

– Раз до сих пор нас не вытащили, значит, уже не вытащат...

Я и сам так думал, но, когда это подтвердил Андрей, внутри как-то нехорошо ёкнуло и по рукам побежали мурашки противной слабости.

– Придётся уходить самим, – неожиданно закончил мысль Андрей.

– Чего? – не поверил своим ушам я. – Куда? Как?

Андрей встал с каменного пола и прошёлся вдоль стены туда-сюда.

– Да, вот здесь. За этой стеной репер. До него... – Андрей помолчал, – метров десять, пожалуй, или около того. Мы попадаем в зону действия.

– Есть что?

– Неважно. Долго объяснять.

Я и сам ловил в себе это ощущение лёгкого свознячка внутри, которое бывает возле прохода, но что толку, если между нами и им стена?

– Проблема в том, что я не оператор, а проводник. Я не могу полноценно работать с реперами. Жена пыталась меня научить, но это едва не кончилось плохо. У меня остался ее планшет, и я могу активировать репер. Но я не могу построить резонанс, и нас, скорее всего, выкинет на Изнанку.

– Это опасно?

– По сравнению с тем, чтобы остаться здесь, безопасно даже крокодилу на клык давать... – грубо ответил он, но тон был, надо сказать, самый похоронный.

Чего-то он не договаривал, ну да чёрт с ним. У меня тут жена с ребёнком, и еды у них максимум на неделю, если экономить. Вряд ли жена сможет прокормить наш домашний цирк рыбалкой и охотой, тем более что ни снастей, ни оружия у неё нет.

– Если со мной что-то случится – а вероятность этого весьма велика, – вздохнул Андрей, – тебе придется самому искать выход. Я не знаю, как. В прошлый раз меня просто вырубил – если бы не жена, там бы и остался. Изнанку не зря называют еще «холодом» – она буквально вытягивает жизнь из человека, а я, как оказалось, к ней особо чувствителен. Есть надежда на то, что просто повезёт. Если бы не это, я бы, наверное, предпочёл тут остаться – меньше мучиться...

Обнадёжил, нечего сказать. Может и хорошо, что я не знаю, на что иду...

Андрей завозился в темноте, доставая что-то из рюкзака. Сначала очень долго ничего не происходило, но потом чувство сквознячка в солнечном сплетении начало потихоньку усиливаться. Ощущение было похоже на то, которое бывало при открытии прохода в гараже, но... не совсем. Стало как-то неудобно, неприятно, внутри что-то провернулось – и мир моргнул. Когда я открыл глаза, мы были уже не в комнате.

Пустая каменная площадка, накрытая шатровым сводом на четырех колоннах, была похожа на крытый перекресток. В обе стороны уходили дороги, но разглядеть, куда они ведут, было невозможно. Такое впечатление, что мы оказались в белом полупрозрачном шаре из тумана – предметы вблизи были яркими, резкими и отчётливыми, но чем дальше, тем больше они расплывались и теряли цвет. Уже в нескольких шагах всё казалось блёкло-серым, очертания смазывались как через тонкую плёнку воды, а метрах в двадцати уже окончательно ничего нельзя было разобрать. Я оглянулся в поисках Андрея, и увидел его лежащим на каменном полу. Выглядел он настолько бледно и нехорошо, что мне в первый момент даже показалось, что умер, но нет – дышал, хотя и еле-еле. Рядом с ним валялась прямоугольная пластина из чёрного полированного камня, – вероятно, тот самый «планшет». Я засунул ее Андрею в сумку, поднял его в сидячее положение, присел, и рывком подхватил бессознательную тушку на левое плечо. Чёрт, это было тяжело! Я не такой уж богатырь, а весил проводник, пожалуй, килограмм восемьдесят. Этак и спину себе сложить недолго. Оставалось надеяться, что идти недалеко, потому что далеко я так не уйду.

Выбирать маршрут не приходилось – все равно ничерта не видно. Я просто пошел туда, куда стоял лицом – по дороге в туман, стараясь удерживать равновесие с тяжёлым и крайне неухватистым телом на плече. Через десяток шагов заметил, что граница видимости отодвигается вместе со мной, а

обернувшись увидел, что каменная арка на перекрестке уже потеряла цвет и резкость. Значит, центром видимости тут являюсь как раз я, и это хорошо – не придётся идти ещё и на ощупь. Мне и без того проблем хватало – через какое-то небольшое время к тяжести на плече и дрожи в икроножных мышцах добавилось нарастающее ощущение холода. И это был не обычный холод, какой можно почувствовать, если выйти зимой на улицу раздетым. Начавшись с лёгкого неудобства, он быстро перешёл в ощущаемую всей поверхностью тела физическую боль и нарастающую мышечную скованность. Окружающее пространство тянуло из меня тепло так, словно вокруг не воздух, а переохлаждённая среда с очень высокой теплопроводностью. Это был такой холод, какой чувствует человек, упавший в Ледовитый океан. Где-то я читал, что в той охлаждённой ниже нуля солёной воде время выживания всего несколько минут – дальше теплопотеря приводит к остановке сердца. Но в той книжке о тяжёлой судьбе полярных лётчиков ничего не было сказано о том, до чего это больно! Для того, чтобы приблизиться к этому ощущению, можете взять и плотно сжать в ладонях большой кусок льда – от холода через минуту вам станет больно, потом очень больно, а потом вы его бросите, потому что зачем же себя так мучить? А теперь представьте себе, что эта боль во всём теле, и бросить вам нечего... В общем, те, кто пишет, что смерть от переохлаждения легка и приятна, то ли сами не пробовали, то ли какое-то другое переохлаждение

имеют в виду. Меня не тянуло прилечь и уснуть, я орал от боли и бежал, спотыкаясь, по дороге уже почти не видя куда, потому что в глазах всё плыло от слёз. Единственным тёплым местом во мне было левое плечо, как будто между мной и Андреем кто-то положил маленькую, но очень эффективную грелку. Если честно, я, видимо, только поэтому его и не бросил тогда. Хотя, возможно, просто не догадался. Я вообще плохо соображал в тот момент – мне было чудовищно, невыносимо больно, и сознание полностью было забито этим ощущением. Наверное, так же больно вариться заживо в кипящем масле – ведь сильный холод и сильный жар нервы транслируют в мозг одинаково. Я орал и бежал, ослеплённый и оглушённый болью, будучи одним комком боли и больше ничем. Черный смутно знакомый силуэт массивной башни, проступивший в стороне сквозь туман, я разглядел буквально чудом – и метнулся туда с дороги на последних каплях сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.